ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ВЪ ЗАПИСКАХЪ АННЫ ИЛЬИНИШНЫ ЗОЛОТУХИНОЙ

(1812 г.).

«Помѣщая на страницахъ уважаемой «Русской Старины» довольно обширныя и весьма характерныя Записки русской женщины, свидѣтельницы событій, ознаменовавшихъ достопамятный годъ великой отечественной войны, А. И. Золотухиной, привожу о ней и родѣ ея мужа свѣдѣнія, основанныя частью на бумагахъ, частью на семейныхъ преданіяхъ.

Анна Ильинишна Золотухина родилась въ Рязанской губ., въ Михайловскомъ уѣздѣ; отецъ ея былъ капитанъ артиллеріи Илья Сергѣевъ. Въ 1799 г. она вышла замужъ по любви за Золотухина, который былъ и бѣднѣе, и моложе ея; умерла она въ 1814 году.

О фамиліи Золотухиныхъ извѣстно слѣдующее: прежде фамилія ихъ была Жемчужниковы, но при Ѳедорѣ Іоанновичѣ два брата поссорились за мѣсто при царскомъ столѣ (еще до уничтоженія мѣстничества); одинъ уѣхалъ въ деревню по указу царя и началъ называться Золотухинымъ. Всѣ его потомки пишутся Золотухиными въ шестой части дворянской книги Тульской губ.; въ архивѣ депутатскаго собранія этой губерніи находятся и всѣ бумаги о родословной этой фамиліи и прочіе о членахъ ея документы. При Петрѣ I Яковъ Золотухинъ ѣздилъ добровольно учиться за границу, за что и получалъ награды отъ императора, а Екатерина I подарила ему бокалъ, съ ея вензелемъ, который и теперь хранится въ ихъ семьѣ. Иванъ Аѳанасьевичъ Золотухинъ былъ женатъ на очень умной женщинѣ, Аннѣ Матвѣевнѣ, которая помѣстила своего сына, Василія, въ Пажескій корпусъ. Екатерина Великая отличала его своею милостью, но онъ умеръ скоропостижно. Анна Матвѣевна поѣхала въ Петербургъ беременная и много плакала; Екатерина II, видя ея горесть, лично сказала ей:

— «Если ты родишь сына, то я жалую ему чинъ премьеръ-маіора».

Это и былъ мужъ Анны Ильинишны, Матвѣй Ивановичъ Золотухинъ, который родился и умеръ премьеръ-маіоромъ въ Тульской губ., Алексинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кошкино.

Анна Линбергъ.

Отъ редакціи. Печатаемыя здѣсь Записки дороги намъ не только какъ сказаніе о крупныхъ историческихъ событіяхъ, которыхъ впрочемъ онѣ касаются лишь поверхностно, но онѣ дороги какъ хроника русской женщины, горячо, самоотверженно любившей мужа и свою многочисленную (изъ восьми дѣтей состоявшую, девятымъ ребенкомъ Золотухина была въ 1812 году беременна) семью; она безхитростно, съ необычайною искренностью, на память близкимъ своимъ, начертала поразительную картину тѣхъ душевныхъ мукъ и матеріальныхъ лишеній, каковыя выносили, за шпалерами и въ тылу арміи, близъ театра военныхъ дѣйствій и на немъ, обыватели и обывательницы русскихъ городовъ и селъ въ эпоху народной войны, въ 1812-мъ году... Это то, что ни въ какихъ реляціяхъ, ни въ какихъ «исторіяхъ» не находптъ мѣста; это прямо жизнь, какъ она дѣйствительно текла подъ громъ пушекъ, при заревахъ пожаровъ, при всѣхъ бѣдствіяхъ, которыми сопровождается война, этотъ бичъ Божій,—война, хотя бы и побѣдоносная...

При рѣдкости вообще у насъ мемуаровъ и хроникъ русскихъ женщинъ минувшаго времени, «Русская Старина» радушно приняла на свои страницы Записки Анны Ильинишны Золотухиной, писанныя въ маленькой, въ 16 д., тетрадкѣ, на толстой синей бумагѣ. Редакція передаетъ эти Записки своимъ многочисленнымъ читателямъ во всей безъискусственности, наивности, простодушіи, а мѣстами и излишней болтливости давно опочившей сномъ смерти составительницы. Нами исправлены только грамматическія ошибки, разставлены знаки препинанія, почти отсутствующіе у автора, и Записки раздѣлены, для удобства чтенія, на главы [1]).

Ред.

Рукопись эта подготовлена къ печати нашею сотрудницею В. В. Тимощукъ.

I.

Бывъ нѣсколько времени на квартирѣ въ деревнѣ близь Полоцка, имѣвъ довольно времени свободнаго, я рѣшилась употребить его на то, чтобы описать все, что случилось со мною, въ то время, какъ мой Матинька [1]) опредѣлилъ себя на защиту отечества, оставя мать, сестру, которая жила съ нимъ, меня и восемь человѣкъ дѣтей и еще въ это ужасное время родившагося девятаго сына. Онъ записался въ тульское ополченіе.

Не одна я ощущала всѣ ужасы 1812 года, но и вся Россія была настолько удручена горестью, что не только мое перо, но и перо лучшихъ писателей не въ состояніи выразить всего того, что всякій русскій ощущалъ въ душѣ своей, когда враги вторглись въ предѣлы наши; но я буду только писать о себѣ все, что могу припомнить изъ случившагося со мною въ этотъ ужасный 1812-й годъ и въ 1813 году, чтобы дѣти, прочтя это иногда и узнавъ всѣ чувства мои, не подумали, что я оставляла ихъ безъ душевной горести, а при томъ, такъ какъ они еще очень малы, то чтобы, читая эти записки, они сохранили въ своей памяти воспоминаніе о всѣхъ несчастіяхъ, случившихся со всѣми нами, а также и о милосердіи Господа и о покровительствѣ Царя Небеснаго надъ всей Россіей.

Когда враги наши были уже у Смоленска, тогда былъ объявленъ манифестъ о призваніи всего благороднаго сословія для спасенія отечества. Матя мой никогда не избѣгалъ такого случая быть полезнымъ отечеству и бывъ даже въ большой нерѣшимости, готовъ былъ тотчасъ идти въ армію; 18-го іюля (1812 г.) назначенъ былъ съѣздъ всего благороднаго дворянства въ Тулу. Можно ли выразить тѣ чувства, которыя волновали меня, когда мой Матя поѣхалъ туда; бывъ уже восемь мѣсяцевъ въ тягостномъ положеніи, имѣвъ восемь человѣкъ дѣтей, я не могла слѣдовать за нимъ; съ чрезмѣрнымъ страхомъ въ сердцѣ и съ большою горестью должна была я остаться и мой Матя ни на что еще

---

[1]) То есть ея мужъ, Матвѣй Ивановичъ Золотухинъ. О немъ съ уваженіемъ упоминаетъ въ своихъ извѣстныхъ Запискахъ А. Т. Болотовъ, какъ объ одномъ изъ особенно любезныхъ ему пріятелей и земляковъ. Ред.

окончательно не рѣшился; 20-го числа человѣкъ отъ него возвращается, привозитъ мнѣ письмо, въ которомъ пишетъ Матя, что всякую минуту выходятъ перемѣны, что враги наши все входятъ внутрь Россіи, вездѣ по пути все грабятъ, жгутъ, храмы Господни истребляютъ, чтобы я ѣхала въ Москву узнать, гдѣ 20-й егерскій полкъ, въ которомъ шефомъ князь Шаховской, другъ Матинъ, съ которымъ служилъ Матинька и прежде вмѣстѣ, или, если возможно, то чтобы помѣститься чрезъ внучатаго брата моего, князя (П. М.) Волхонскаго, въ свиту е. и. в. Я была совсѣмъ готова ѣхать, съ растерзанною отъ горести душою, но получаю извѣстіе, что императоръ уже выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, а князь Волхонскій никогда не отлучается отъ него, слѣдовательно, я не могла уже просить его о помѣщеніи моего друга въ свиту; я готова уже была ѣхать въ Москву и узнавать, гдѣ находится полкъ Шаховскаго; когда я уже совсѣмъ готова была ѣхать, получаю письмо отъ Мати, чтобы я остановилась, что онъ рѣшается остаться въ ополченіи. Нашъ тульскій губернаторъ, Николай Ивановичъ Богдановъ, былъ избранъ начальникомъ надъ всѣмъ тульскимъ ополченіемъ, и такъ какъ никто не зналъ другъ друга до сего времени коротко, то всѣ считали, что тульское ополченіе всѣхъ лучше выбрало себѣ начальника. Богдановъ служилъ всегда въ артиллеріи, былъ извѣстный человѣкъ по многимъ, какъ говорятъ, храбрымъ дѣяніямъ, къ тому же настолько счастливъ, что любимъ многими, въ томъ числѣ и моимъ мужемъ, который такъ любилъ его, что хотѣлъ остаться при дежурствѣ у него, но, признаюсь, я всегда совсѣмъ иначе была расположена къ нему, не имѣвъ къ тому никакой основательной причины, кромѣ той, что мой Матя всегда разными манерами старался доказать ему свою къ нему привязанность, а онъ былъ къ нему расположенъ таковымъ же образомъ, какъ и ко многимъ другимъ, которыхъ я никогда со своимъ мужемъ не сравняю; но не только я, всѣ тѣ, кто умѣетъ цѣнить людей, въ ономъ согласятся. Я упросила Матю и онъ сдѣлалъ это для меня, что не остался въ дежурствѣ. Но и тогда начальникъ ополченія сказалъ Мати и другимъ изъ нашего уѣзда, чтобы были спокойны и были бы увѣрены, что тотъ полкъ, гдѣ будетъ Матя, пойдетъ послѣдній въ походъ и то тогда, когда онъ уже самъ пойдетъ. Въ сосѣдствѣ у насъ Матя былъ

довольно всѣми любимъ, такъ что когда онъ еще не зналъ къ кому въ полкъ опредѣлится, то уже многіе хотѣли быть у него подъ командою. Съ полковникомъ Пушкинымъ, отъ котораго мы живемъ въ 13-ти верстахъ и со всѣмъ домомъ котораго мы были всегда въ пріязненныхъ отношеніяхъ, Матя и въ прошедшую милицію былъ вмѣстѣ, но тогда только третья часть пошла, остальные были только назначены; они были оба въ оставшейся части; тутъ его выбрали полковымъ начальникомъ; Матя, по привязанности къ нему, не хотѣлъ быть въ другомъ полку, остался у него баталіоннымъ начальникомъ и чтобы быть ближе къ нему—начальникомъ перваго баталіона. Сотенными у Мати были: Викулинъ, самый ближній сосѣдъ; у него офицерами Савиньковъ и Мительковъ. Пестовъ былъ Каширскаго уѣзда и не такъ коротко тогда былъ знакомъ, но тесть его, Болотовъ, Андрей Тимофеевичъ, который зналъ хорошо Матю и любилъ насъ, рекомендовалъ своего зятя. У него офицерами были въ сотнѣ: Ивской, Степанъ Ивановичъ, и меньшой сынъ Анфорова. Въ третьей сотнѣ былъ сотеннымъ Донской, также изъ Каширскаго уѣзда, но онъ прежде служилъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ и, бывъ знакомъ съ Викулинымъ, захотѣлъ быть у Мати въ баталіонѣ; офицерами у него были: одинъ тульскій помѣщикъ, Месновъ, который также почти не зналъ лично Матю, а захотѣлъ быть у него, и другой—Чернской-Шелатовъ, а въ послѣдней сотнѣ начальникомъ былъ Николай Петр. Бѣльскій; у него офицерами были: Саблуковъ и прежде Ивской, Давыдъ Ивановичъ, когда же онъ вышелъ по болѣзни, то Болотовъ [1]). Когда Матя мой возвратился изъ Тулы, я встрѣтила его со слезами, узнавъ, что всѣ офицеры уже назначены; адъютантомъ у него былъ старшій сынъ Анфорова, а квартирмейстеромъ Бѣльскій второй. Такъ какъ всякій полкъ имѣлъ четыре баталіона, то во второмъ начальникомъ былъ Кулебякинъ, въ третьемъ Колезиковъ, въ четвертомъ Аксаковъ; одинъ Колезиковъ былъ не алексинскій, а то оба были сосѣди наши и, какъ казалось, коротко знакомые и хорошіе пріятели.

Въ это самое время вся Россія была въ трепетѣ, всѣ уѣзжали

---

[1]) Не Павелъ-ли Андреевичъ—единственный сынъ составителя извѣстныхъ Записокъ? Ред.

изъ Смоленской, Калужской и даже изъ Тульской и Московской губерній; всѣ ѣхали въ дальнія деревни или города, больше всего ѣхали въ Нижній и въ Казань. Мы все не знали, что намъ дѣлать: безпрестанно слышимъ о новыхъ успѣхахъ нашихъ враговъ, родные наши собираются уѣзжать, многіе сосѣди уже уѣхали; Матя рѣшается отправить насъ съ матушкою, сестрою и дѣтьми въ Арзамасскую деревню; я никакъ не могу рѣшиться на это; какъ возможно, любя его столько, быть отъ него въ такое ужасное время такъ далеко, не имѣть о немъ частыхъ извѣстій! это меня ужасало; къ тому же мое болѣзненное состояніе было помѣхой къ поѣздкѣ; насъ всѣхъ страшила мысль о томъ, что мнѣ придется ѣхать 500 верстъ въ такомъ положеніи, не имѣя при себѣ бабушки. Однако, всѣ уѣзжаютъ, враги наши входятъ въ Калужскую губернію,—это отъ насъ уже не болѣе 100 верстъ. Матя мой ѣдетъ въ Алексинъ для набора воиновъ; мы всѣ въ большомъ страхѣ, не зная, что намъ дѣлать съ собою; наконецъ, чтобы быть ближе къ нему, мнѣ вздумалось предложить, чтобы мы ѣхали въ Рязанскую деревню; Матя согласился, равно и матушка съ сестрою. Начали приготовляться къ отъѣзду; пріѣхала къ намъ сестра Фаина Ивановна проститься, она поѣхала въ Курскъ; потомъ Надежда Ивановна, проводя своего сына, который только что записался въ ополченіе и долженъ былъ идти на встрѣчу непріятелю; она ѣхала въ Ефремовъ, заѣхала проститься, ночевала у насъ; по утру мы были всѣ у обѣдни; я не могла вообразить, какъ я поѣду, какъ оставлю своего Матю; всю отраду находила только въ мысли быть ближе къ нему и чаще имѣть отъ него извѣстія. Такъ тяжело было собираться мнѣ къ выѣзду изъ Кошкина, что невозможно описать. Матушка, бывъ у обѣдни и видя всю тоску мою, любя меня, сжалилась надъ моимъ положеніемъ и ей пришло на мысль, взявъ всѣхъ моихъ дѣтей съ сестрою, ѣхать въ рязанскую деревню, а мнѣ тутъ остаться, покуда возможно; лучъ надежды облегчилъ мою горесть, благодарность моя къ матушкѣ неизъяснима, но опять грусть, согласится ли на это мой Матя? Однако, я послала къ нему, написавъ, какую матушка мнѣ дѣлаетъ милость, видя мою грусть; между тѣмъ опасность, часъ отъ часу, умножалась—Матинька самъ пріѣзжаетъ къ намъ изъ Алексина, соглашается оставить меня, покуда воз-

можно; думали, что полкъ нашъ будетъ стоять у Серпухова или въ Серпуховѣ, поэтому онъ предложилъ мнѣ переѣхать на это время къ Анфорову, и если опасность увеличится, то Анфоровъ, заложа своихъ лошадей въ мою карету, поѣдетъ со мною въ ту-же деревню, куда ѣхали наши; мы въ ихъ пріязни всегда были очень увѣрены и оба сына ихъ были препоручены Мати. Матушка собиралась ѣхать, Матя остался проводить ее; матушка съ сестрой, Анночка, Машинька и Лидинька сѣли въ линейку; Николаша, Володинька съ Андреемъ Андреевичемъ въ кибиткѣ; Зинаидочка, Сашенька, обѣ со своими нянюками, въ колескѣ; въ другихъ кибиткахъ дѣвки. Сборы были такъ грустны, что мы всѣ не знали что̀ укладывать и что̀ оставлять; всѣ платья мои и даже все, что нужно и было заготовлено для моего будущаго ребенка, все отправили, а шубы, даже матушкины и дѣтскія, всѣ остались. Какъ горестно было мнѣ отпускать милыхъ дѣтей моихъ, это одинъ Богъ знаетъ, и всякій, кто разставался съ такими милыми сердцу, съ такими, можно сказать, неосмысленными малютками своими, тотъ только и можетъ постигнуть всю горечь этой ужасной разлуки; но, по крайней мѣрѣ, я знала, что они ѣдутъ въ свою деревню, подъ покровительствомъ матушки и сестры, которыя ихъ любятъ какъ нельзя больше и дѣти къ-нимъ привязаны почти столько же, какъ и ко мнѣ; разставаясь со мною, только старшіе плакали, а остальныхъ занимало то, что они ѣдутъ, и всѣ были увѣрены, что чрезъ недѣлю я пріѣду къ нимъ; когда экипажи были поданы, то слезы мѣшали намъ выразить наши чувства; они поѣхали, Матя проводилъ ихъ; нѣкоторые изъ меньшихъ какъ сѣли, такъ и заснули; казалось, когда я потеряла ихъ изъ вида, то чувства мои онѣмѣли, но Матя возвратился и, увидя его возлѣ себя, я успокоилась. Матя долженъ былъ снова ѣхать въ Алексинъ; нѣкоторые изъ сосѣдей нашихъ остались у меня, чтобы мнѣ не быть одной; мы съ Матей уже рѣшили, что покуда онъ въ Алексинѣ—мнѣ не ѣздить къ Анфорову, но жить дома, а на случай, ежели непріятель подойдетъ къ намъ ближе, а наши лошади все еще будутъ съ матушкой и дѣтьми, то въ сосѣдствѣ у насъ есть большая деревня совсѣмъ незнакомаго намъ помѣщика, но мужики которой такъ любятъ насъ, что на дворѣ у себя держали шесть лошадей, чтобы всякую минуту быть

наготовѣ запречь ихъ мнѣ въ карету, если мнѣ нужно будетъ скорѣе уѣхать отъ нашихъ враговъ. Какъ описать ту пустоту въ сердцѣ и то горестное чувство, которое я испытала, оставшись одна, по отъѣздѣ матушки съ дѣтьми и когда мой Матя поѣхалъ въ Алексинъ; сосѣди мои также уѣхали и я осталась одна въ своемъ большомъ домѣ; всякое мѣстечко напоминало мнѣ мою разлуку съ ними; заслышавъ малѣйшій шорохъ, мнѣ казалось, что кто либо изъ моихъ малютокъ бѣжитъ ко мнѣ. тоска до того одолѣла меня, что я не знала, что мнѣ дѣлать; призываю Елизавету свою, велю ей принести совсѣмъ съ постелью своего маленькаго къ себѣ въ комнаты, думая, что хотя онъ займетъ сколько нибудь пустоту комнатъ, но я обманулась; пустота была въ душѣ и сердцѣ, кто-же могъ ее замѣнить безъ Мати и дѣтей моихъ! я не могла войти въ комнату, гдѣ дѣти жили, наконецъ, я почувствовала такую грусть, что боялась дольше оставаться одна, послала просить одну изъ ближнихъ сосѣдокъ, Широкову, къ себѣ; она пріѣхала и тѣмъ утѣшила нѣсколько мою скорбь.

Чрезъ четыре дня пріѣхалъ мой Матя и пробылъ у меня три дня; въ это время возвратились лошади отъ матушки и я получила письма, въ которыхъ она сообщала мнѣ, что они доѣхали до деревни благополучно; я отъ всей души поблагодарила Царя Небеснаго за его покровительство имъ; Матя мой опять поѣхалъ въ Алексинъ, а на другой день и я уже поѣхала къ нему; онъ видѣлъ, что тутъ мнѣ больше не достанетъ силъ жить одной; это время я безпрестанно была въ страхѣ, потому что непріятель былъ очень невдалекѣ отъ нашихъ мѣстъ и уже подходилъ къ Москвѣ; впереди же шла наша артиллерія; мародеровъ вездѣ было множество; казаки, которые также уѣзжали изъ полковъ и во многихъ мѣстахъ пугали, что французы близко, велѣли жечь селенья, а сами грабили, однимъ словомъ, ужасъ былъ со всѣхъ сторонъ, вездѣ по деревнямъ караулы, вездѣ по ночамъ перекликаются; жутко бывало по ночамъ, особенно когда сердце преисполнено грусти, къ тому же и мое болѣзненное состояніе препятствовало мнѣ спать. Уѣзжая въ Алексинъ, я оставляла домъ свой съ совершенно спокойнымъ духомъ оттого ли, что одной въ немъ очень было несносно, или оттого, что я ѣхала къ своему Мати; въ карету посадила я съ собою свою Елисавету съ ея

ребенкомъ; я боялась остаться одна, чтобы грусть не овладѣла мною; и между тѣмъ какъ вся домашняя прислуга и Широкова, оставшаяся проводить меня, прощались со мною со слезами, я поѣхала довольная и спокойная. Подъѣзжая къ Алексину, мнѣ встрѣчается Баскакова, ѣхавшая изъ Алексина, останавливается, выходитъ изъ своей коляски, подходитъ ко мнѣ блѣдная, встревоженная до крайности и первымъ долгомъ сообщаетъ мнѣ, что она ѣдетъ въ степь и что меня мой Матя не дождется, что онъ пошелъ уговаривать бабушку, чтобы она ѣхала со мною въ степную деревню, что здѣсь нѣтъ возможности оставаться, все въ опасности, Москва взята злодѣями, Тула въ опасности; губернаторъ отправляетъ все свое семейство въ Ефремовъ и она ѣдетъ уговаривать сестру свою Викулину, чтобы она также оставила мужа и ѣхала бы съ ней, что даже мужъ велѣлъ ей пріѣхать въ Алексинъ затѣмъ, чтобы уговорить ее ѣхать непремѣнно; услышавъ все это, я чрезвычайно огорчилась, думая, что завтра же мнѣ придется оставить Матю, оставить въ такое опасное время и ѣхать въ моемъ положеніи одной съ людьми за полтораста верстъ. Говорятъ, что Тула въ опасности, а мнѣ придется черезъ нее ѣхать; дѣти мои и матушка находятся въ Рязанской губерніи хотя и во ста верстахъ, но все же казалось опасно оставаться имъ тамъ, такъ какъ врагъ идетъ, какъ говорятъ, на Рязань. Пріѣзжаю въ Алексинъ, нахожу друга своего гораздо спокойнѣе, нежели воображала; онъ мнѣ говоритъ, что разсказываютъ, будто Москва взята, а достовѣрно никто не знаетъ, губернаторъ отпускаетъ жену и дѣтей, но еще не отправляетъ ихъ, что мнѣ еще нельзя ѣхать отъ него завтра, а необходимо предварительно отдохнуть и узнать куда имъ назначутъ идти; бабушка не соглашается ѣхать со мною въ степь, но это меня не безпокоило, я совсѣмъ забывала въ какомъ положеніи я нахожусь; грусть по поводу разлуки съ Матей превозмогала всю тягость и опасность моего положенія; всѣ бывшія тутъ знакомыя мнѣ дамы пришли ко мнѣ, всѣ сокрушались на счетъ моего положенія, одна я была покойна на этотъ счетъ, одинъ Матя занималъ меня, я только и думала какъ мнѣ разстаться съ нимъ, какъ перенести это, проживши двѣнадцать лѣтъ съ нимъ въ спокойное время; недѣльная разлука съ нимъ была мнѣ тяжела до крайности,

а теперь казалось, что если я оставлю его въ это опасное время, то уже болѣе никогда не увижу; эта мысль меня ужасала.

Тутъ къ намъ приходили почти всѣ тѣ, которые не только были у Мати въ баталіонѣ, но и всѣ бывшіе въ нашемъ полку; многихъ жены были тутъ и всѣ онѣ навѣщали меня; я познакомилась съ тѣми, которыхъ я не знала въ Матиномъ баталіонѣ, но такихъ было мало; изъ сотенныхъ одинъ Донской былъ мнѣ незнакомъ; увидѣвъ его и узнавъ, что жена его въ такомъ же положеніи, какъ я (т. е. беременна), отъ всей души жалѣла ее; казалось, ей было еще тяжелѣе меня, я все еще была съ Матей, а она находилась въ 40 верстахъ отъ своего друга, но на другой день онъ получилъ записку отъ сестры, которая была съ его женою, что она благополучно разрѣшилась отъ бремени; радость его была такъ велика, что всѣ, кто видѣли его, радовались вмѣстѣ съ нимъ тому, что въ его семействѣ прибавилась еще одна малютка; пришедши къ Мати, онъ подалъ ему записочку и не могъ почти ничего сказать отъ волненія.

Я пробыла въ Алексинѣ два дня; первый день никуда не выходила, но всѣ знакомые перебывали у насъ; до насъ доходили самые разнорѣчивые слухи; передъ вечеромъ не помню кто сказалъ намъ, что проѣхалъ одинъ генералъ и сказалъ, что Москва взята, но сочли, что онъ измѣнникъ, который хочетъ только потревожить всѣхъ, даже сожалѣли, что городничій не отправилъ его къ губернатору въ Тулу; въ другихъ же мѣстахъ почта и дороги были вездѣ захвачены непріятелемъ; въ это время курьеры изъ нашей арміи ѣздили всѣ черезъ Алексинъ; проѣзжали еще какіе-то люди и сказывали навѣрно, что Москва не взята, но что англичане и сербы, бывъ съ нами въ союзѣ, вступили въ нее для защиты; а между тѣмъ изъ Москвы всѣ уѣзжали, даже въ Алексинъ пріѣхало много купечества, но всѣ они выѣхали изъ Москвы 30 августа, тогда наши враги не были еще въ Москвѣ; вечеромъ часовъ въ 8 полковникъ присылаетъ къ Матѣ, чтобы онъ къ нему сейчасъ пришелъ. Матя пошелъ, а я осталась въ страхѣ, не зная что значитъ все это, но Матя скоро возвратился, сказавъ, что велѣно по Окѣ держать кордонъ, что ему съ баталіономъ приказано стоять въ Страховѣ, въ двухъ верстахъ отъ нашей деревни; узнавъ это, я просила Матиньку, чтобы и мнѣ ѣхать съ нимъ въ Страхово и пробыть тамъ сколько

возможно. На слѣдующій день велѣно было выступать изъ Алексина. По утру всѣ роты стали сбираться идти къ квартирѣ полковника; Матя повелъ весь баталіонъ, а я осталась на нѣкоторое время на квартирѣ; едва уѣхалъ Матя, пріѣхалъ ко мнѣ нашъ предводитель князь Волхонскій; входя въ комнату, говоритъ, что онъ пріѣхалъ меня успокоить, Москва не взята, а это вошли въ нее англичане и сербы и входили съ музыкою, а эти пустыя вѣсти о томъ, что въ нее вошли злодѣи, совсѣмъ несправедливы.

Мы всѣ прихрабрились, но изъ Алексина всѣ жители сбирались выѣхать и даже многіе выѣзжали, иные начинали уже говорить, что Москву жгутъ, но имъ почти не вѣрили и всѣ были въ такомъ смятеньи, что не знали чему вѣрить. Проводивъ предводителя, я сѣла въ карету и поѣхала въ квартиру полковника, но изъ нея уже всѣ вышли и направились къ тому мѣсту, гдѣ стояли два баталіона, Матинъ и Аксакова, а другіе два баталіона были въ Крапивнѣ; тамъ набирались люди, но они еще не возвратились. Когда мы подошли къ баталіонамъ, туда принесли уже образа и начали служить молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ; трудно описать, что чувствовали тогда всѣ присутствовавшіе, скажу лишь, что не только тѣ, которые шли на службу и остающіяся ихъ семейства, но и всѣ присутствовавшіе плакали. Послѣ молебна пошли завтракать къ полковнику, а я осталась тутъ; оттого, я думаю, что всѣ были очень разстроены, я не видала какъ ушла Пушкина, а она мнѣ не сказала ничего; я даже послѣ узнала, что къ нимъ ходили завтракать, а Алексинскій купецъ Масловъ поилъ всѣхъ воиновъ виномъ. Савиньковъ былъ отправленъ въ Страхово для занятія квартиръ, но едва онъ выѣхалъ, какъ встрѣтилъ жену свою, ѣхавшую къ нему на встрѣчу; она никакъ не хотѣла вѣрить, чтобы войска выступали только въ Страхово; воротясь, онъ насилу довелъ ее до насъ и она упала безъ чувствъ, на силу намъ удалось увѣрить ее, что полкъ идетъ такъ близко; Савиньковъ поѣхалъ, а мы съ его женою и Викулиной уговорились жить также съ нашими милыми друзьями въ Страховѣ и Викулина сѣла со мною въ карету съ тѣмъ, чтобы завести ее по пути къ ея свекрови. Мы поѣхали со своимъ баталіономъ, однако обогнали его, чтобы пораньше пріѣхать въ Страхово и приготовить ужинъ къ приходу Мати съ баталіономъ.

Я пріѣхала уже въ 9 часовъ вечера; дорога была очень дурная, я же ѣхала очень тихо и даже шла пѣшкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было очень ухабисто; это было 5 сентября 1812 г., вечеромъ, шелъ маленькій дождикъ; я пріѣхала прямо на дворъ дома покойнаго Петра Дмитріевича Еропкина, доставшагося послѣ него князю Гагарину; для насъ очищали флигель, мели, все прибирали; пыль была такая, что я принуждена была сидѣть на крыльцѣ; въ этомъ флигелѣ было двѣ комнаты безъ печей и баня, въ которой печь была вся изломана и ее нельзя было топить, да черезъ сѣни еще большая комната. Когда пыль улеглась, то я вошла въ маленькую комнату, напилась чаю съ Савиньковымъ и засѣдателемъ, который тутъ былъ; дожидалась Матю до перваго часа ночи; по приходѣ его, мы ужинали всѣ вмѣстѣ; Матя и всѣ его товарищи очень устали.

На другой день, шестаго сентября, мы расположились жить въ банѣ, послали изъ дома привезти нѣсколько мебели и желѣзную кровать, но смятенье было такъ велико, что и въ голову не пришло поставить верхъ и пологъ; окошки были перебиты, мы велѣли кое-какъ замазать стекла, послали къ матушкѣ провѣдать ихъ; всѣ наши были у насъ весь день. Матя ѣздилъ осматривать гдѣ стояли по Окѣ караульные. Пріѣхала Викулина и Савинькова; съ Викулиной была ея старшая дочь Катенька; всѣ помѣстились во флигелѣ; пріѣзжалъ сынъ Саблукова; онъ служитъ въ арміи и велъ рекрутъ въ депо; онъ также сказалъ, что слышалъ навѣрное, что Москва взята, но и ему не вѣрили, даже запрещали говорить объ этомъ, словомъ сказать, никто вѣрить не хотѣлъ, чтобы Москва была въ рукахъ злодѣевъ. 7-го числа пріѣзжала ко мнѣ Анфорова и съ нею ея племянницы, всѣ говорили одно, но все невѣрное; я чувствовала себя не очень хорошо, казалось минута моего разрѣшенія приближалась, бабушки не было; я положила твердое упованіе на Царицу Небесную и была очень спокойна; Матинька получилъ отъ Богданова письмо или, лучше сказать, записочку, наскоро написанную, въ которой онъ увѣдомлялъ его, что точно Москва взята, что и въ Тулѣ не безопасно, и что онъ жену свою съ семействомъ уже отправилъ и совѣтывалъ бы и меня скорѣе отправить. Матя приноситъ мнѣ письмо прочесть; я говорю, что я уже не въ силахъ ѣхать; сначала онъ думалъ, что я для того

это говорю, чтобы не уѣзжать отъ него, но вскорѣ дѣло выяснилось. Викулина не хотѣла тутъ ночевать и перебралась на крестьянскій дворъ; я призвала свою женщину, которой два раза удавалось уже принимать, и была такъ спокойна, точно не мнѣ предстояло родить. Мой Матя въ тысячу разъ безпокоился болѣе меня. 8-го числа Матя поѣхалъ къ обѣднѣ домой, Викулина пошла тутъ къ обѣдни, я же была не въ силахъ идти; однако у насъ обѣдали всѣ наши и чай пили; нѣкоторые остались ужинать, но я уже не выходила; въ 8 часовъ всѣ разошлись, а въ 11 я родила благополучно сына; бабушка моя очень испугалась, такъ какъ (ей показалось, что) мой Митя родился мертвымъ и такъ какъ она была еще въ этомъ дѣлѣ непривычная, то просила даже, чтобы Матя далъ понюхать малюткѣ одеколону, которымъ онъ теръ мнѣ голову и давалъ нюхать; ночь была страшно холодная, отовсюду дуло, но Господь былъ такъ милостивъ ко мнѣ, что я не простудилась; кровать моя стояла возлѣ самыхъ дверей, противъ окошка, но все прошло благополучно. Для маленькаго ничего не было приготовлено, и Широкова привозила мнѣ для рубашечекъ бѣлье своего мужа, а мое все было отправлено. Изъ Серпухова всѣ выѣхали, жили по деревнямъ и лѣсамъ; изъ Тарусы также всѣ переѣхали на нашу сторону, поэтому и купить негдѣ было; на другой день Матя поѣхалъ къ полковнику и онъ самъ пріѣхалъ къ намъ; тутъ опять увидѣла я какъ велико было ко мнѣ милосердіе Божіе: въ самую ту ночь, когда я родила, одинъ офицеръ Аксакова баталіона, великій шалунъ Соколовъ былъ на Окѣ у Алексина въ караулѣ; ночью плыла барка съ сухарями, онъ ее окликалъ, но на баркѣ видимо всѣ заснули и ничего ему не отвѣчали; ему приди въ голову, что это французы, закричалъ: „французы въ Алексинѣ, давайте народу!“ Это разнеслось отъ пикета къ пикету, всѣ кричатъ, бѣгутъ, дошло до полковника, онъ всталъ и на лошадь, туда же поскакалъ и перехватилъ весь свой караулъ, вотъ отчего до насъ не дошелъ этотъ шумъ и тревога; Аксакова разбудили, жена его очень встревожилась; изъ ближнихъ деревень даже мужики сбѣжались съ вилами и рогатинами, всѣ кричатъ и бѣгутъ въ Алексинъ. Поровнявшись съ баркой, полковникъ посылаетъ къ ней человѣка вплавь, чтобы остановить ее и тогда уже узнаютъ, что тутъ вмѣсто французовъ — сухари; всѣхъ успокоили, а весь нашъ

баталіонъ не зналъ этой тревоги и я не была въ самое опасное для меня время встревожена, а спала спокойно. На третій день моихъ родовъ, мы получили письмо отъ матушки и сестры, онѣ были также въ страшной тревогѣ; враги наши изъ Москвы пошли на Рязань, всѣ тамошніе сосѣди наши уѣзжали оттуда; сестра писала мнѣ, чтобы я поскорѣе пріѣзжала, чтобы ѣхать въ Елецъ; къ нимъ уже пріѣхали братъ Аѳанасій Ивановичъ съ семействомъ и сестра Татьяна Ивановна съ дочерьми; сестра писала даже, что онѣ назначили уже день отъѣзда; если бы я даже поѣхала къ нимъ изъ Алексина, то вѣроятно застала бы ихъ уже въ дорогѣ.

II.

Какъ скоро я родила, тотчасъ послали къ матушкѣ и сестрѣ; съ какимъ нетерпѣніемъ ждали мы возвращенія этого посланнаго, чтобы узнать поѣхали-ли онѣ и здоровы-ли; послѣ обѣда пріѣхалъ къ намъ Нагаевъ, онъ былъ въ Московскомъ ополченіи и сказалъ, что Москву отдали, что наши войска прошли черезъ нее, а французы вступили тотчасъ, что они грабятъ и жгутъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ; многіе изъ тѣхъ, кто былъ въ московскомъ ополченіи и имѣли деревни въ московской губерніи, очень роптали, какъ скоро отдали Москву и даже уѣхали по домамъ, въ томъ числѣ былъ и Нагаевъ, у котораго также потерпѣли нѣкоторыя деревни. Впрочемъ, роптали не одни только жители Москвы: всѣ говорили зачѣмъ Москва отдана, по впослѣдствіи оказалось, что этимъ спаслась вся Россія. Изъ самаго вступленія злодѣевъ въ Москву еще болѣе повсюду высказалась милость къ намъ Создателя; они начали грабить церкви, но послѣ нихъ находили въ церквахъ чудеснымъ образомъ оклады съ образовъ переломанные и брошенные на полу. Образъ, что на Спасскихъ воротахъ, они никакъ не могли снять, стрѣляли въ него, но даже стеклу ничего не сдѣлали; образъ Николая Чудотворца на Никольскихъ воротахъ остался цѣлъ, тогда какъ непріятель, выходя изъ Москвы, взорвалъ всю стѣну до самыхъ воротъ, до самаго образа. Много подобныхъ дѣлъ совершили неистовые враги наши; страшно было даже слышать обо

всемъ этомъ, но впослѣдствіи они были видимо наказаны за всѣ свои злодѣянія.

Когда мы жили въ Страховѣ, то ловили по Окѣ мародеровъ, даже со скотиною, которую они крали; квартира наша сдѣлалась ужасно холодна, вездѣ дуло, мнѣ не было возможности долѣе оставаться тутъ; Матинька мой перевелъ роту въ Кошкино и самъ переѣхалъ въ свой домъ для меня. На пятый день послѣ родовъ я переѣхала въ Кошкино, очень ослабѣла, но все таки дошла до гостиной и можно сказать, что тутъ я только въ первый разъ увидѣла своего новорожденнаго малютку, потому что на другой день послѣ рожденія его отправили съ бабушкой, которая его принимала, въ Кошкино и чтобы ему было не такъ холодно, то его помѣстили во флигелѣ въ Елизаветину комнату. Кормилица нашлась солдатка наша, но очень изрядная молодая женщина; крестили его заочно Зинаида съ Володей, на третій день его рожденія; при себѣ я перевела его въ матушкину комнату, куда помѣстила съ нимъ Елизавету съ сыномъ и ту женщину, которая его принимала, но онъ почти не спалъ и все кричалъ, потомъ пошли по немъ большіе нарывы и, наконецъ, Елизавета съ этой женщиной замѣтили, что онъ голоденъ, у кормилицы молока было мало, а она никакъ не хотѣла признаться въ этомъ, но попробовали дать ему соску и узнали, что онъ точно съ голода не спитъ по ночамъ, бывало такъ, что кормилица тихонько давала ему соску; я была вынуждена перемѣнить кормилицу, взяла дворовую женщину.

Чрезъ нѣсколько дней я поправилась; мы никогда не были одни: всѣ тѣ, кто былъ у Мати въ баталіонѣ, бывали у насъ всякій день, нѣкоторые жили у насъ въ домѣ; оба Анфоровы постоянно жили у насъ; Матя не отпускалъ и меньшаго въ роту, но они постоянно находились при немъ. Человѣкъ, посланный къ матушкѣ, возвратился; онъ догналъ матушку уже на дорогѣ, она поѣхала къ Хрипуновымъ, но писала намъ, что она тамъ больше 10 дней не пробудетъ, не желая ихъ стѣснять, и просила Матю увѣдомить ее куда ей ѣхать; въ степной деревнѣ также опасно и всѣ оттуда выѣхали; насъ съ Матей это такъ разстроило, что мы не знали на что рѣшиться; въ Кошкино имъ невозможно было пріѣхать, опасность не только не прошла, но съ каждой минутой возростала; надобно было что нибудь отвѣчать

матушкѣ, но мы не знали на что рѣшиться, такъ что Матя, сѣвъ писать, просилъ Царя Небеснаго вразумить его, а я, сидя возлѣ него, плакала; наконецъ, Матя написалъ, чтобы матушка съ сестрой Аннушкой и Машей пробыли у Хрипуновыхъ подольше; такъ какъ эта семья была не такъ велика, то по дружбѣ къ намъ Хрипуновыхъ они, навѣрно, были бы имъ не въ тягость и хотя въ маленькомъ домикѣ, но всѣ бы помѣстились. Николашу и Володеньку съ Андреемъ Андреевичемъ прислать къ намъ въ виду того, что это мальчики и слава Богу здоровые, но если опасность увеличится, они какъ нибудь со мной уѣхали бы. Зинаиду, Лидію и обѣихъ Сашенекъ съ Феклою и Яковомъ Степановичемъ съ его дѣтьми отправить въ Рязанскую деревню. Грустно было намъ обоимъ писать это, но мы не находили лучшаго средства. Какъ ни усерденъ былъ Яковъ и какъ ни любила нянька нашихъ дѣтей и хорошо за ними смотрѣла, но все же они не будутъ уже подъ матушкинымъ и сестринымъ покровительствомъ и сердце мое не могло быть спокойнымъ; однако, слабость моя проходила и я выздоравливала гораздо скорѣе, нежели ожидала, и даже удивительно было, что огорченіе не разстроивало моего здоровья,—такъ велико было милосердіе Господа ко мнѣ.

Въ это время французы грабили и оскверняли храмы Господни, сожгли почти всю нашу древнюю столицу и вышли изъ нея, пробывъ въ ней больше мѣсяца. Плѣнныхъ враговъ нашихъ безпрестанно гнали чрезъ наши деревни, а злодѣи эти, по выступленіи изъ Москвы, сдѣлались еще злѣе, истребляли огнемъ всѣ попадавшіеся имъ на пути деревни и города. Однажды, погода была прекрасная, Викулина зоветъ меня къ себѣ въ Страхово обѣдать; мы съ Матей оба отправились къ ней; туда пріѣхали и всѣ наши, Савенькова съ сестрой. Савеньковъ былъ въ караулѣ, жена его послѣ обѣда поѣхала къ нему; я не знала какъ они тамъ стоятъ и захотѣла также проѣхаться; отобѣдавъ, мы всѣ отправились туда; подъѣзжаемъ къ берегу Оки; какая ужасная сцена представляется нашимъ глазамъ: весь лугъ на противоположномъ берегу противъ Тарусы былъ установленъ телѣгами, коровами, лошадьми и народомъ съ маленькими дѣтьми; это были разоренные изъ-подъ Москвы, которые успѣли уйти; всѣ были въ рубищахъ, лишенные почти дневнаго пропитанія

и всего имущества; нѣкоторые изъ нихъ были доведены до такой крайности, что и у маленькихъ дѣтей ихъ кромѣ одной рубашки ничего не было и покуда ее сушили, ребенка не во что одѣть было, то его голову грѣли около разложеннаго огня; скотина отъ голода ревѣла, потому что на лугу травы совсѣмъ не было; изъ Тарусы всѣ выѣзжали; вся армія наша и злодѣевъ нашихъ была не болѣе какъ въ тридцати верстахъ отъ Тарусы; тарусскій городничій получилъ уже повелѣніе, если еще опасность умножится, то жечь Тарусу: все это раздирало сердце на части отъ ужаса; пробывъ тутъ не долго, мы поѣхали назад напившись чаю у Викулиной, возвратились домой. Спустя нѣсколько времени, пріѣхалъ къ намъ Пушкинъ со своимъ адъютантомъ; онъ ѣхалъ въ Липицы, тамъ стоялъ конный полкъ князя Щербатова, также изъ нашего ополченія; онъ былъ назначенъ бригаднымъ и нашъ полкъ также былъ подъ его начальствомъ. Матя мой поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ, а ко мнѣ пріѣхала Анфорова съ Нечаевымъ, а Савинькова жила у меня; послѣ обѣда мы всѣ сидѣли въ маленькой гостинной, Елисавета моя вызываетъ поя тихоньку Савинькову; та входитъ довольно встревоженная; спрашиваю ее зачѣмъ она выходила, она мнѣ говоритъ, что Елисавета ей сказала, что слышна пушечная пальба, но что она выходила слушать и ничего не слыхала; я, признаться, не повѣрила этому, а думала, что Елисаветѣ показалось отъ страха, она уже и прежде ночи не спала и дивилась какъ я рѣшаюсь тутъ жить.

Часа въ три пріѣхалъ Матинька съ Пушкинымъ, и сказали, что точно слышна пушечная пальба и что Щербатовъ съ полкомъ ѣдетъ въ армію, заѣдетъ къ намъ напиться чаю. Пушкинъ сталъ меня уговаривать уѣхать изъ этой деревни, потому что опасность была очень близка; вся армія наша находилась отъ насъ не больше, какъ въ 25 верстахъ и мѣсто сраженія было не далѣе 30 верстъ; Матинька также говорилъ, что я его успокою этимъ, что онъ отпуститъ со мною надежныхъ десять человѣкъ вооруженныхъ; пріѣхалъ и Щербатовъ со своими офицерами; какъ было тяжело смотрѣть на нихъ; люди, которые жили нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ, которые имѣли семейства, нѣкоторые изъ нихъ посѣдѣлые, ѣхали на поле сраженія. Щербатовъ имѣлъ желанія отличиться, но товарищи его шли затѣмъ, чтобы защищать дома свои, поэтому натурально, что они были

угнетены горестью. Всѣ они уговаривали меня ѣхать, также и Савинькову; я не знала что́ мнѣ дѣлать: ѣхать и оставить Матю —это мнѣ казалось невыносимо, ѣхать одной—вездѣ мародеры партіями, казаки, а между тѣмъ въ Серпуховѣ то наведутъ, то снимутъ мосты по Окѣ и всѣ выѣхали кромѣ одного архимандрита, онъ оставался въ Серпуховѣ; вижу, что Матиньку я успокою своимъ отъѣздомъ, поэтому рѣшилась ѣхать; зову съ собою Викулину, Савинькову, но тѣ ни одна не ѣдутъ, а между тѣмъ полковникъ получилъ секретный ордеръ, что если ближе будутъ враги наши, то идти въ Тулу; наконецъ, я рѣшаюсь ѣхать въ рязанскую деревню, считая, что уже дѣти должны быть тамъ, и взявъ ихъ съ собою ѣхать въ Елецъ къ Хрипуновымъ, туда, гдѣ матушка была съ старшими моими дѣтьми. Горесть такъ жестоко овладѣла мною при мысли, что мнѣ съ Матей разставаться должно, что я почти цѣлый день плакала. Пушечные выстрѣлы безпрестанно были слышны и даже часъ отъ часу становились слышнѣе; ужасъ все болѣе овладѣвалъ нами. Вечеромъ Матинька съ товарищами своими пошли пройтись, я осталась одна и, вообразивъ всѣ обстоятельства своей горестной разлуки съ милымъ своего сердца, съ милымъ Матей, чувства оставили меня; когда я опомнилась, Матя сидѣлъ возлѣ меня и всѣ его товарищи помогали мнѣ. Матя, видя мою невыносимую скорбь, пожалѣлъ меня, отложилъ отъѣздъ мой до 25 числа, день Сергѣя чудотворца, и меня облегчило его обѣщаніе. Въ день Сергѣя чудотворца мы получили извѣстіе, что наши бьютъ французовъ и гонятъ; тутъ я еще упрашиваю Матю, чтобъ мнѣ подождать ѣхать, онъ соглашается оставить меня съ собою; въ это время человѣкъ нашъ возвращается отъ матушки, и какъ я была рада, что не поѣхала,—Богъ меня сохранилъ; матушка со всѣми моими дѣтьми уѣхала отъ Хрипуновыхъ къ брату Афанасію Ивановичу въ Тульскую деревню; въ Тулѣ не было уже такой опасности, однако все еще въ самый городъ не пріѣзжали, даже и купцовъ почти не было, а если бы я поѣхала, то въ рязанской деревнѣ дѣтей бы не нашла, должна бы ѣхать со своимъ больнымъ Митенькой въ Елецъ къ Хрипуновымъ и тамъ бы не застала своихъ; какое бы было мое страданіе во время этой моей поѣздки; верстъ триста или четыреста проѣхать въ такой

грусти и не имѣть даже того утѣшенія, чтобы получать извѣстія о своемъ миломъ Матѣ и нигдѣ не находить свое семейство: отъ истинной души моей благодарила Царя Небеснаго, что из, бавилъ меня отъ этого мученья.

Мы пробыли еще нѣсколько дней въ Кошкинѣ; пріѣхалъ опять Пушкинъ къ намъ, ѣхавши къ бригадному, но бригадный, Рахмановъ, былъ уже у насъ; Матя мой уже не поѣхалъ, но вечеромъ того самаго дня пріѣхалъ къ намъ полковой адъютантъ Владычина Рославскій, для занятія квартиръ; ихъ полкъ также пришелъ изъ Тулы и нашему велѣно подвинуться къ Алексину, а Владычину занять наши квартиры. По утру пріѣхалъ нашъ полковникъ и сказалъ, что намъ приказано стоять въ Ламановѣ и чтобы въ тотъ же день очистить квартиры, потому что Владычинъ идетъ уже съ полкомъ. Матя мой на одну ночь перевелъ еще роту въ Кошкино, потому что поздно было идти въ Паново, а Страхово очистили для Владычина; Кошкино наше не было назначено подъ квартиры, но такъ какъ въ это горестное для всей Россіи время дорога чрезъ Кошкино сдѣлалась самая проѣзжая, очень много шло разныхъ командъ и вездѣ дѣлали большія притѣсненія обывателямъ; Матя поѣхалъ съ Пушкинымъ къ Владычину, чтобы предложить ему самому остановиться у насъ въ домѣ и попросить его, чтобы онъ и роту одну поставилъ въ нашемъ селѣ. Владычинъ и съ нимъ Карповъ пріѣхали къ намъ обѣдать и Владычинъ самъ не захотѣлъ у насъ въ домѣ остановиться, а роту поставилъ въ Кошкино. Нашъ батальонъ очень рано пошелъ въ Ламаново, около него занимать квартиры, мы же съ Матей, послѣ обѣда, проводя своего полковника и Владычина, поѣхали сами въ Ламаново, взявъ съ собою Митю съ кормилицей и Елисавету съ сыномъ. Ѣхавъ чрезъ нижнее Ламаново, гдѣ была квартира Пестова и Донскаго, мы заѣзжали къ Пестову, къ нему и жена пріѣхала; отъ нихъ поѣхали на свою квартиру; намъ была квартира въ домѣ, но домъ холодный, вездѣ несло, а нѣкоторыя комнаты были совсѣмъ безъ печей; съ нами въ домѣ помѣстились по обыкновенію оба Анфорова и Савиньковъ, а въ банѣ Викулинъ съ женой; его рота стояла въ этой деревнѣ, а Бѣльскова рота была въ Егнышовкѣ; тутъ и полковникъ жилъ въ своемъ домѣ; всякій день мы видались со всѣми, Пушкинъ также къ намъ почти всякій

день ѣздилъ, а живя съ Викулиной на одномъ дворѣ, мы всякую минуту были вмѣстѣ; всякій день слышны были неумолкаемые пушечные выстрѣлы; признаться, когда бывало не слыхать сихъ выстрѣловъ, то всѣ боялись не сдѣлался бы миръ и всякій разъ, какъ просыпались, то первый вопросъ былъ—не слышна ли пальба? хотя при всякомъ выстрѣлѣ сердце обливалось кровью, но всѣ были увѣрены что наши войска во всякомъ сраженіи подъ покровомъ Царя Небеснаго и подъ предводительствомъ князя Кутузова выигрываютъ, что и было точно съ самаго Бородинскаго сраженія, которое было еще до взятія врагами нашими Москвы; вездѣ ихъ били не только мужественныя наши войска, но и простые мужички; даже они начали умирать съ голода и просили мира, бывъ въ Москвѣ.

III.

Къ полковнику былъ присланъ ордеръ, по полученіи втораго повелѣнія выступать въ 6 часовъ въ походъ. Осень была прекрасная, октябрь былъ такъ хорошъ, что мы очень часто гуляли. Случилось, что всѣ наши разошлись: Матя, Викулина и еще человѣка два у насъ было, не больше; мы пошли гулять, и какъ вышли на крыльцо, то я услышала страшную пальбу; прежде я не выходила изъ комнатъ, когда слышна была эта страшная стрѣльба; по слабости своей я еще мало выходила, но тутъ, услышавъ пальбу въ первый разъ, она меня смутила; однако, бывъ близь Мати, казалось, опасность была не такъ велика; по вечерамъ были видны вдали въ той сторонѣ, гдѣ находились обѣ арміи, огромныя зарева; однако, опасность въ нашихъ мѣстахъ сдѣлалась уже не такъ велика: обѣ арміи стали отъ насъ удаляться, врагъ нашъ не тотъ уже былъ, какъ во время шествія на Москву: онъ не побѣждалъ, но его гнали; я стала просить Матю, чтобы дѣтей привезти, но онъ все еще не рѣшался; въ Тарусу жители стали собираться, также и въ Серпуховъ и въ Тулу; наконецъ, Матя согласился, а больше превозмогло его желаніе послать за Николашей и Володей съ Андреемъ Андреевичемъ,—и дней черезъ пять послали за ними лошадей. Пес-

товъ уже перешелъ со своею ротою въ Велигуше; зоветъ насъ къ себѣ чаю пить, его жена и свояченица Воронцова [1]) къ нему пріѣхали, а отъ него Донской зоветъ, чтобы заѣхали къ нему; Викулина также хотѣла къ Донскому пріѣхать; мы съ Матей на дрожкахъ поѣхали къ Пестову, отъ него уже въ сумерки заѣзжаемъ къ Донскому; онъ мнѣ говоритъ: „посмотрите, какая у меня прекрасная спальня", а гдѣ его кровать была поставлена, то тамъ была повѣшена занавѣска; думая, что онъ оттого хочетъ показать мнѣ свою спальню, чтобы пошутить, какъ онъ перегородилъ избу занавѣской, я приподнимаюсь немного, но онъ проситъ меня подойти поближе; я подошла и каково было мое удивленіе и радость, увидя на его кровати сидящаго Андрея Андреевича и Николашу съ Володей; какъ пріятно было мнѣ прижать ихъ къ своему сердцу послѣ двухмѣсячной разлуки! я не могла на нихъ наглядѣться, казалось, они совсѣмъ перемѣнились и они намъ чрезвычайно обрадовались. Когда мы поѣхали къ Пестову, они пріѣхали вскорѣ послѣ насъ; Викулина привезла ихъ съ собою къ Донскому и они мнѣ сдѣлали этотъ пріятный сюрпризъ; Володя съ Николашей не отходили отъ окошка, все смотрѣли на караулъ, который стоялъ у насъ подъ окномъ, а я все на нихъ смотрѣла; какъ мнѣ хотѣлось и другихъ дѣтей моихъ видѣть; Матя нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ, когда я плакала, чтобы я съѣздила къ брату повидаться съ дѣтьми, но, признаюсь, что какъ я ни желала ихъ видѣть, но не рѣшалась ѣхать, потому что боялась, что матушка уже оставитъ меня съ ними и я буду разлучена съ Матей своимъ, вотъ что меня удерживало; къ тому же я знала, что по милости матушкиной и дружбѣ сестры Анны Ивановны они всѣ покойны и что за ними имѣютъ присмотръ не менѣе моего.

12-го октября (Андрей Тимофеевичъ) Болотовъ былъ именинникъ, мы съ Матей на дрожкахъ, а на другихъ—Пушкинъ поѣхали къ нему; къ нему изъ арміи пріѣхалъ внучекъ его, Воронцовъ, и мы узнали отъ него, что тогда въ нашихъ мѣстахъ опасность часъ отъ часу уменьшалась и Болотовъ даже

[1]) Пестова и Воронцова были дочери Андрея Тимофеевича Болотова. Ред.

сказалъ намъ, когда мы съ нимъ совѣтовались, что можно и за матушкой съ дѣтьми послать; на другой же день мы послали за ними лошадеи и къ Пушкину жена пріѣхала и онъ также рѣшился писать къ своимъ, чтобы пріѣзжали, но Наталья Николаевна съ сыномъ одна пріѣхала; разочтя дни, когда матушка должна пріѣхать, мнѣ казалось, что она къ Казанской должна быть дома; отъ большаго желанія видѣть дѣтей мнѣ казалось, что они непремѣнно должны пріѣхать.

21-го (октября) былъ день рожденія жены Пестова; мы поѣхали съ Матей къ нему послѣ обѣда, съ тѣмъ, чтобы, посидя у него, ѣхать уже въ Кошкино, полагая навѣрно, что матушка пріѣхала и чтобы пріѣхать ко всенощной поднять въ церкви образъ; мы поѣхали на дрожкахъ; проѣзжая мимо пикета, на которомъ былъ въ караулѣ Пестовъ, мы подъѣхали къ нему; поговоря съ нимъ, хотѣли ѣхать далѣе, но только что отъѣхали нѣсколько шаговъ, дрожки наши нагнулись на сторону; мы остановились посмотрѣть отъ чего это, Пестовъ подошелъ къ намъ, осматривалъ наши дрожки и увидѣли, что дрога лопнула, подзязали кое-какъ; Матя почти шелъ пѣшкомъ до самаго Велегуша. Къ Пестову пріѣхали верхами Викулинъ, Донской и оба Анфоровы, съ тѣмъ, чтобы съ нами ѣхать въ Кошкино, отслушать всенощную и опять возвратиться въ Ламоново; наши дрожки подвязали получше и мы поѣхали, но отъѣхавъ не далѣе полъ-версты, дрожки наши совсѣмъ изломались и мы вынуждены были съ нихъ сойти; Петръ Николаевичъ поѣхалъ къ Пестову за его дрожками, а мы пошли пѣшкомъ; ночь была хоть холодна, но свѣтла; Алексѣй Николаевичъ велъ всѣхъ верховыхъ лошадей, Донскаго лошадь оторвалась и всѣ пошли ее ловить, но, поймавъ ее, Викулинъ потерялъ нагайку и поѣхалъ назадъ, не захотѣлъ ѣхать съ нами; Донской озябъ, поѣхалъ впередъ, остались мы съ Матей и меньшой Анфоровъ, но скоро дрожки Пестова пріѣхали, и мы доѣхали благополучно до Кошкина.

Подъѣзжая къ деревнѣ, казалось, что въ домѣ огонь, и я воображала, что чрезъ нѣсколько минутъ я увижу матушку, сестру и своихъ малютокъ; сердце мое трепетало отъ радости: казалось, тихо ѣдемъ; наконецъ, пріѣзжаемъ къ дому, но въ немъ темно, нѣтъ огня, наши еще не пріѣзжали; мы всѣ перезябли, чаю съ нами не

было, а тутъ безъ Елисаветы своей я не знала гдѣ его найти, но Пелагея принесла немножко чаю и нѣсколько кусковъ сахару. Послѣ всенощной Донской и Петръ Николаевичъ уѣхали, Алексѣй Николаевичъ остался съ нами, ужинали мы также деревянными ложками; на другой день послали къ Широкимъ попросить чаю, сахару и приборовъ; послѣ обѣда у насъ были Болотовы и только что поѣхали, какъ увидѣли, что наши ѣдутъ; мы выбѣжали на крыльцо, не могли ихъ дождаться и дѣти такъ обрадовались, увидя домъ свой, что насилу усидѣли въ экипажахъ; въѣзжая во дворъ и увидя меня и Матю стоящихъ на крыльцѣ, Лидя вскричала: „Ахъ, бабушка, отецъ мой и мать моя тутъ, вотъ я ихъ вижу!“ Какъ подъѣхали они, то слезы облегчили меня, и они только могли выразить ту радость, которую я ощущала, увидя дѣтей послѣ двухмѣсячной разлуки, и ту благодарность, которую я въ душѣ моей имѣла къ матушкѣ и сестрѣ за всѣ попеченія ихъ о дѣтяхъ; дѣти всѣ очень намъ обрадовались, одинъ Саша не узналъ меня, а къ Матѣ кинулся на руки, не смотря на то, что Матя усы отпустилъ; я въ это время очень похудѣла и онъ не узналъ меня. Я въ нихъ во всѣхъ нашла большую перемѣну, они выросли всѣ, безпрестанно то тотъ, то другой подходили и цѣловали меня; Матя ночевалъ тутъ, а по утру поѣхалъ въ Ламоново, но я осталась съ ними, онъ прислалъ въ каретѣ Андрея Андреевича съ Николашей и Володей, кормилицу съ Митей и Елизавету, а самъ остался тамъ; я думала, что чрезъ недѣлю, взявъ съ собою нѣкоторыхъ дѣтей, поѣду къ нему, но чрезъ три дня пріѣхалъ адъютантъ Мати и сказалъ, что Матя велѣлъ лошадей прислать, что имъ опять квартиры перемѣнять; ему опять приказано стоять въ Кошкино, чему мы очень обрадовались; между тѣмъ погода перемѣнялась и зима начиналась, рѣки становились и кордоны по Окѣ велѣли снять; переѣхалъ и Матинька и мы тутъ восемь дней прожили благополучно, въ кругу своего семейства.

Потомъ сотенный нашъ начальникъ Бѣльскій зоветъ насъ въ свою деревню къ себѣ на завтракъ; пріѣзжаемъ всѣ къ нему; у него еще былъ одинъ капитанъ Рахманова полка, но по отлучкѣ его баталіоннаго начальника онъ правилъ баталіономъ и стоялъ въ деревнѣ Бѣльскаго; какъ мы пріѣхали, то онъ по-

казалъ намъ ордеръ командира идти въ Рославль и тамъ дожидаться приказа, это насъ всѣхъ встревожило чрезвычайно; полагая, что вѣрно и нашему полку идти, и прежде были слухи, что всему ополченію назначенъ походъ, но мы не хотѣли этому вѣрить: обыкновенно, чего очень боишься, то все надѣешься, что не случится; къ тому-же полагали, что нашъ полкъ, по обѣщанію, выступитъ послѣдній; все думали, что коли и пойдутъ, то все еще не скоро, но сердце предвѣщало уже, оно начало страдать. Пріѣхавъ домой, приказа отъ полковаго командира еще не нашли; но вечеромъ мы легли спать въ одиннадцать часовъ; натурально, что, дожидаясь этой страшной бумаги, я не могла покойно спать, лежала и плакала; приходитъ дѣвка, приноситъ бумагу, адъютантъ прислалъ, чтобы черезъ два дня выступать; тутъ уже горесть овладѣла мною и я начала рыдать, просить Матю, чтобы позволилъ мнѣ проводить его до Калуги; онъ далъ мнѣ слово; въ ту же минуту велѣлъ къ сотеннымъ послать записки, чтобы они всѣ рано по утру съѣхались; мы встали раньше обыкновеннаго, можно ли спать, когда душа страдаетъ. Всѣ пріѣхали, всѣ были въ одинаковомъ положеніи; къ Донскому пріѣхала жена; не зная еще объ этомъ походѣ, она пріѣхала ко мнѣ; конечно, мы другъ друга не могли утѣшить, но страдали вмѣстѣ и плакали. Къ намъ пріѣхала сестра, Надежда Ивановна, со своими; она только что возвратилась, узнавъ изъ моего письма, что Мати походъ, и пріѣхала проститься; сборы были таковы, что я, укладывая все его бѣлье и платье, всякую вещь вѣрно не одинъ разъ оплакивала.

IV.

7-го ноября баталіонъ нашъ выступилъ очень рано, такъ какъ ему велѣно сбираться въ Игнешовкѣ, и мы всѣ встали въ 6 часовъ, даже дѣти старшіе пятеро проснулись проводить папеньку. Анфоровы пріѣхали проводить дѣтей и ночевали у насъ; какъ описать ту ужасную сцену, когда Матя прощался съ матушкой, съ дѣтьми и съ сестрами; сестрѣ Аннѣ Ивановнѣ сдѣлалось дурно, племянницѣ также средней, съ которой Матя всегда былъ дружнѣе; дѣти всѣ плакали, меня уже Матя поскорѣе отправилъ, посадилъ въ кибитку; онъ сѣлъ на облучокъ: впереди въ саняхъ ѣхали оба Анфорова. Всѣ дворовые провожали Матю, но, конечно, невозможно описать все то, что было при прощаньи, потому что никто не помнитъ этого хорошенько, отъ горя души у всѣхъ были мертвы. Въ Тяпкинѣ мы переѣхали черезъ рѣчку, мужикъ вышелъ проститься съ Матей; кругомъ насъ были мужики совсѣмъ посторонніе, но всѣ любили моего Матю, кто только зналъ его и его чувство,—возможно ли мнѣ не обожать его?

Проѣхавъ Ламаново, нашъ баталіонъ дожидался Матю; онъ сѣлъ верхомъ, а я проѣхала впередъ къ Пушкину; проѣзжая мимо баталіона, слезы лились изъ глазъ моихъ. Пріѣхавъ къ Пушкинымъ, нахожу у нихъ Баратова съ женою; все ихъ семейство и Петръ Николаевичъ Пушкинъ съ женою сидятъ и довольно покойно чай пьютъ; я какъ вошла, такъ никакъ не могла воздержаться и рыданья мои обнаружили всю мою скорбь; они меня старались успокоить; Екатерина Матвѣевна какъ ни скрывала тоску свою, но кто чувствовалъ такую же горесть, тотъ могъ понять ея чувства; Наталія Николаевна говорила, чтобы я не огорчалась, что они идутъ занимать кордонъ по Смоленской губерніи, что имъ не грозитъ опасности, но что если они пошли уже служить, то зачѣмъ на печи сидѣть, они за этотъ походъ получатъ ордена, и что онъ продлится не болѣе двухъ мѣсяцевъ; сердце мое не соглашалось съ этимъ, и одни слезы мои были ей отвѣтомъ; меня мучила уже одна разлука съ милымъ сердца моего, Матей, а еще меня тревожила мысль какія безпокойства и мученья ему придется испытать въ походѣ.

Пришли всѣ баталіоны и Пушкинъ поѣхалъ къ нимъ, понесли образа и тамъ служили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, но я уже не могла туда ѣхать, чувствовала, что я не въ состояніи смотрѣть на это; они всѣ пришли завтракать, пріѣхала Викулина, она со мною вмѣстѣ ѣхала провожать своего мужа; затѣмъ всѣ баталіоны двинулись, ихъ велъ версты двѣ Пушкинъ, а потомъ воротился; Матя повелъ свой баталіонъ, и мы поѣхали, обогнали ихъ и, пріѣхавъ въ Алексинъ, искали квартиры, назначенныя нашему баталіону; насъ увидѣлъ на улицѣ Баратовъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ только что слышалъ отъ одного офицера, что проѣзжавшій курьеръ сказалъ ему, что нѣкоторыя ополченья ворочены и будто и нашему велѣно воротиться, хотя мы чувствовали, что это не совсѣмъ справедливо, но надежда возсіяла въ сердцѣ моемъ. Пріѣхавъ на квартиру, мы дожидались съ часъ своихъ милыхъ друзей; боялись, такъ какъ было очень темно и вездѣ была вода, чтобы они не промочили ногъ и не простудились; квартира наша была изрядная комната, довольно чистая и къ ней хорошенькая передняя, въ которой жили у насъ Анфоровы. Домъ этотъ принадлежалъ алексинскому купцу, другую половину дома онъ занималъ съ женою и дочерью, которая уже нѣсколько лѣтъ лежала больная, почти безъ чувствъ, ничего почти не говоритъ; если ей дадутъ ѣсть, то ѣстъ, и то очень мало, а сама не проситъ, лежитъ или сидитъ сложа руки и опустя голову.

Наши пришли и точно промочили ноги, у Матиньки ноги очень распухли; тутъ мы пробыли цѣлую недѣлю; подводъ не было и отъ теплой погоды Ока испортилась. Послали къ Богданову спросить, что намъ дѣлать; онъ велѣлъ сказать, чтобы не спѣшили идти, между тѣмъ онъ сдавалъ свою комнату генералу Миллеру, а самъ не хотѣлъ выполнить своего обѣщанія идти вмѣстѣ съ баталіономъ, остался губернаторомъ, а не начальникомъ тульскаго ополченія, но все еще были подъ его начальствомъ; нѣкоторые почувствовали, что ошиблись, но было уже поздно. Всѣ, кто тутъ были, знакомые пріѣзжали ко мнѣ; жена Семенова пріѣхала проститься съ нимъ и та пріѣхала со мною познакомиться. У Пушкиной умеръ братъ и я поѣхала по утру навѣстить ее и отъ нея принуждена была

заѣхать къ Алтуфьевой; она у меня была и очень звала; погода была такъ тепла, что снѣгъ весь стаялъ и на саняхъ ѣхать было невозможно. Меня всѣ уговаривали, чтобы я не провожала далѣе своего Матю; онъ самъ нѣсколько разъ пытался уговорить меня, но я плакала, у меня сдѣлались сильныя спазмы въ горлѣ и онъ меня болѣе не останавливалъ. Черезъ недѣлю велѣно было выступать; весь полкъ долженъ былъ собраться въ квартирѣ полковника, для слушанія молебна, и всѣ поѣхали туда, но я съ Викулиной не могла этого сдѣлать; съ нами Матя оставилъ Савинькова и мы съ ней, сѣвъ въ маленькія сани, поѣхали, а въ коляску, которую уже привезли къ намъ въ Алексинъ, посадили дѣвку; стало немного подстывать, оттого мы и сѣли въ сани; подъѣхавъ къ перевозу, думали, что мы переѣдемъ раньше полка и будемъ дожидаться на той сторонѣ, вмѣсто того намъ пришлось часовъ пять прождать на берегу, паромы были на той сторонѣ и на нихъ ставили пушки и пороховые ящики; лошади были очень измучены, поэтому чрезвычайно долго ставили на паромъ и сводили съ парома, такъ что полкъ нашъ тѣмъ временемъ пришелъ; какъ горестно было смотрѣть намъ на него; всѣ тѣ, кто оставлялъ свои семейства, были такъ удручены горестью, что она отражалась на ихъ лицахъ; протопопъ благословилъ хоругвіемъ и его несли вмѣсто знамени.

Такъ какъ нашъ баталіонъ былъ первый, то его первымъ и поставили на паромъ, и наши сани тутъ же. Семеновъ, увидя меня, старался какъ можно скорѣе меня поставить на паромъ, чтобы мнѣ не стоять на берегу. Какъ только мы переѣхали, то баталіонъ пошелъ и мы за нимъ поѣхали, Матя мой въ другихъ саняхъ возлѣ насъ; нашему баталіону назначена была квартира верстахъ въ пяти отъ Алексина. Наканунѣ поѣхалъ квартирмейстеръ Матвѣй Петровичъ Бѣльской; мы полагали, что квартира уже очищена; пріѣзжаемъ къ назначенному селенью; Матя, видя, что квартирьеровъ нѣтъ, велѣлъ адъютанту ѣхать впередъ и намъ за нимъ. Пріѣзжаемъ, но тутъ и квартирмейстера не было, и квартиры не заняты; онъ былъ человѣкъ совсѣмъ необыкновенный, никогда не служилъ и проѣхалъ впередъ верстъ десять, не спросясь ни у кого. Адъютантъ развелъ квартиры, пришелъ баталіонъ, пріѣхала наша коляска, мы всѣ пили чай и ужинали

вмѣстѣ; тутъ насъ догналъ Пестовъ, онъ ѣздилъ проститься къ своимъ, пріѣхалъ съ надеждою, что дальше Калуги не пойдемъ и многіе такъ думали, но сердце мое не чувствовало никакого облегченія.

По утру мы всѣ встали очень рано, Викулина и всѣ наши опять къ намъ пришли; адъютантъ пришелъ сказать Матѣ. что нашли въ соломѣ полумертваго француза. Матинька пошелъ къ нему и узналъ отъ него, что ихъ много гнали плѣнныхъ и что провожатые, увидя, что онъ слабъ и не можетъ идти, побили его порядочно и бросили на дорогѣ, считая мертвымъ, но онъ, опомнясь, дополз до сарая, въ которомъ его и нашли; Матя велѣлъ его накормить и представить въ судъ. Мы также поѣхали за баталіономъ; всему полку велѣно было собраться идти вмѣстѣ. Доѣхавъ до сборнаго мѣста, мы поѣхали впередъ и Алексѣй Анфоровъ верхомъ съ нами; пріѣзжаемъ опять къ квартирамъ и тутъ квартирмейстера нѣтъ,—онъ также ошибкой проѣхалъ въ другую деревню. Алексѣй Николаевичъ отводилъ квартиры и какъ ни выбиралъ, не могъ выбрать порядочной; нашли маленькую и черную избушку, а въ другихъ вездѣ были больные. Баталіонъ пришелъ довольно поздно и мы уже ночевали съ Анфоровыми въ одной избѣ и такъ какъ другой избы не было, то всѣ караульные и наши люди тутъ же спали, такъ что вся изба была занята спящими; о, какъ тутъ въ этой тѣснотѣ, въ тяжеломъ отъ сырости воздухѣ, на полу я спала хорошо, прижавъ къ сердцу милаго неоцѣненнаго друга своего Матю; онъ всю ночь безпокоился обо мнѣ, но я лежала возлѣ него и казалось, что въ самой лучшей комнатѣ, на лучшей кровати.

По утру, пославъ занимать квартиры уже Алексѣя Николаевича, мы поѣхали впередъ; Матя съ баталіономъ остался дожидаться другихъ баталіоновъ; это было 16 ноября, день Матиныхъ имянинъ; по дорогѣ мы видѣли всюду лежавшихъ французовъ мертвыхъ, въ иныхъ мѣстахъ кучами, человѣкъ по десяти; вездѣ гнали плѣнныхъ и это были отсталые, которые не могли идти дальше отъ утомленія, другіе были замерзшіе; пріѣхали мы также довольно рано на квартиры, онѣ уже были готовы; Викулины помѣстились съ нами на одной квартирѣ, изба была пребольшая; Пушкину была назначена квартира въ этомъ же

селеніи. Наши всѣ пришли ко мнѣ; я послала звать Пушкина, дорожный пирогъ у имянинника кушать, а онъ прислалъ меня звать переѣхать къ нему на квартиру, онъ стоялъ въ господскомъ домѣ, но я не поѣхала, а онъ пріѣхалъ къ намъ и мы провели весь этотъ день вмѣстѣ; тысячу разъ благодарила я Царя Небеснаго, что я хоть въ крестьянской избѣ, но съ Матей провожу этотъ день; что-бы было со мною, если-бы я была дома безъ него!

Вечеромъ полковникъ нашъ уѣхалъ, Матя легъ полежать на постель, а я сидѣла возлѣ него; вдругъ къ намъ входитъ мужчина въ буркѣ, спрашиваетъ квартиру Пушкина; Матя спрашиваетъ у него, кто онъ такой, и узнаетъ, что онъ князь Щербатовъ, партизанъ. Матя предлагаетъ ему войти, онъ садится и начинаетъ разговаривать, покуда ему готовится провожатый. Онъ говоритъ, что наши вездѣ бьютъ и гонятъ французовъ, что они уже мрутъ отъ голода и морозовъ, и съ отчаянія отдаются въ плѣнъ цѣлыми полками; дивился, куда ведутъ ополченіе, что оно совсѣмъ не нужно и говорилъ, что вѣрно воротятъ назадъ; разсказывалъ мною анекдотовъ про дружины; наконецъ, провожатаго привели и кн. Щербатовъ поѣхалъ. Матинька поѣхалъ съ нимъ къ Пушкину, но недолго былъ тамъ и скоро вернулся; по утру была сильная мятель и холодъ, а мы ѣхали въ открытыхъ саняхъ, коляску свою мы уже отправили домой и дѣвка ѣхала въ другихъ саняхъ; я надѣла теплую шинель Донскаго сверхъ шубы, а Викулина—шинель своего мужа; всему баталіону велѣно было сбираться у мельницы верстахъ въ трехъ отъ Калуги, и мы ѣхали все съ баталіономъ. Матинька мой все сидѣлъ у насъ; подъѣзжаемъ къ мельницѣ, насъ встрѣчаетъ одинъ изъ квартирмейстеровъ, офицеръ, говоритъ, что въ Калугѣ не даютъ квартиръ, вице-губернаторъ говоритъ, что всѣ заняты, а велитъ идти черезъ городъ и еще за 12 верстъ и надобно черезъ рѣку на паромѣ переѣзжать, но и тамъ сегодня переправляются баталіоны калужскаго ополченія. Матинька велѣлъ ему ѣхать къ полковнику, а мы подъѣхали къ мельницѣ и вошли въ избу погрѣться; нашли уже тутъ многихъ изъ нашихъ офицеровъ и трехъ дамъ: Шепелевскую, Ефремову и Андрееву; онѣ всѣ ѣхали съ мужьями въ Рославль. Ефремовъ былъ у Калужскаго вице-

губернатора и онъ ему сказалъ, что ни одной нѣтъ квартиры для нашего полка, а Миллеръ прежде приказывалъ сказать Пушкину, чтобы не спѣшилъ идти, то мы всѣ думали, вѣрно мы остановимся въ ближнихъ деревняхъ на нѣсколько времени; пріѣхалъ полковникъ, но онъ былъ совсѣмъ инаго мнѣнія, онъ спѣшилъ идти и не хотѣлъ останавливаться; поѣхалъ самъ въ Калугу, взявъ съ собою Семенова, а всѣмъ велѣлъ ждать; съ Матей былъ штофъ водки и сухой заяцъ. Матя и всѣ, кто тутъ былъ, выпили и закусили, я не могла куска проглотить; видя поспѣшность полковника, я воображала, что чрезъ два дня я должна буду разстаться съ милымъ другомъ сердца моего, съ моимъ Матей; мы тутъ ждали до четырехъ часовъ. Матя ушелъ къ Арсеньеву въ кибитку уснуть, а въ избѣ была страшная тѣснота; офицеры со всего полка и нѣкоторые старые урядники и воины, которые выбивались изъ силъ отъ стужи, приходили поперемѣнно грѣться, прочіе воины всѣ стояли въ полѣ. дрожа отъ холода; погода не переставала, больные лежали на возахъ; видѣвши все это, сердце раздиралась; наконецъ, полковникъ прислалъ Семенова сказать, чтобы полкъ шелъ, что штабнымъ квартиры въ городѣ, а прочіе всѣ съ полкомъ пойдутъ въ ближнія деревни; подъѣзжаемъ къ Калугѣ, полковникъ насъ дожидался и велѣлъ всѣмъ городомъ полку идти парадомъ; снѣгъ пересталъ, но стужа была чрезвычайная; покуда полкъ строился, мы стояли, не зная своей квартиры; всѣ ѣхали при полку; какъ горестно было видѣть парадъ этотъ, сердце обливалось кровью. Матя и всѣ наши офицеры такъ перезябли, что удивительно но полковнику того хотѣлось, нечего было дѣлать, должно повиноваться; никто не видѣлъ этого парада. Въ городѣ попался намъ квартирмейстеръ. Матя велѣлъ ему сѣсть къ намъ въ сани и проводить насъ до квартиры; мы поѣхали, квартира наша была у купца, двѣ комнаты очень изрядныя; въ одной расположились мы съ Матей, въ другой Викулины и съ ними Анфоровы; полкъ прошелъ весь городъ парадомъ, Матя съ Викулинымъ и Анфоровы воротились; Пушкинъ со своимъ адъютантомъ Панютинымъ также зашли къ намъ отогрѣться и напиться чаю.

Мы въ Калугѣ пробыли также недѣлю; всякій день, просы-

паясь, первая мысль была, что это послѣдній день я съ Матей вмѣстѣ; всякій вечеръ, ложась спать, жестокое отчаяніе терзало мнѣ душу и сердце при мысли, что завтра я буду прощаться съ Матей; Матя старался утѣшить меня разными обѣщаніями: писать ко мнѣ часто, пріѣхать къ 3-му февралю (1813 г.), и если будутъ стоять въ Рославлѣ, то призвать меня, но все это мало облегчало горесть мою, казалось, я съ нимъ разстаюсь надолго. Однажды Аксаковъ и Семеновъ звали меня къ себѣ обѣдать на уху изъ налимовъ; ихъ квартира была очень близко, мы съ Матей пошли къ нимъ обѣдать, долго сидѣли, потомъ поѣхали къ Казанской Божіей Матери, заѣхали къ Баскакову; тамъ дожидалась насъ Викулина, его сестра; Баскакова просила, чтобы онъ намъ съ Матей пересылалъ письма, адресованныя на его имя; онъ взялся за это отъ доброй души. Пріѣхавъ домой довольно поздно, мы легли спать, я не могла заснуть, видѣла все, что въ другой комнатѣ огонь, и думала навѣрное присланъ приказъ о выступленіи, и адъютантъ пишетъ записки въ сотни. Могла ли я уснуть съ этими мыслями; я долго лежала, какъ вдругъ входитъ ко мнѣ моя женщина и зоветъ меня къ Викулиной; я встаю, прихожу къ нимъ и узнаю, что она больна и въ великомъ отчаяніи; велѣла разбудить хозяйку, узнать гдѣ бабушка живетъ, посылаютъ за ней, она увѣряетъ, что не выкинула, а такъ занемогла. Просидѣвъ у нея нѣсколько часовъ, я пошла въ свою комнату. На другой день Викулина стала такъ слаба, что когда захотѣла пройти въ другую комнату, то ей сдѣлалось дурно; въ это время у насъ были Пушкинъ и Аксаковъ и всѣ мы увидѣли, что не было возможности домой ѣхать въ саняхъ, но приходилось остаться на нѣкоторое время въ Калугѣ; мужа ея съ ней хотѣли оставить на это время; хотя бабушка и увѣряла, что она не выкинула, но впослѣдствіи оказалось, что выкинула, и я должна была, разставшись съ милымъ сердцу моему съ моимъ Матей, ѣхать одна домой; это было въ субботу, а полку приказано было выступить въ понедѣльникъ; вечеромъ присылаетъ ко мнѣ Аксаковъ, сказать, что жена его пріѣхала къ нему; я съ Матей пошла къ ней повидаться, она говоритъ, что не могла долѣе переносить разлуку, пріѣхала съ тѣмъ, чтобы ѣхать съ нимъ, онъ чрезвычайно ей обрадовался и также не хотѣлъ

ее отпускать домой. Какъ завидно мнѣ было ея положеніе: ей это можно было сдѣлать—у ней только было двое дѣтей и тѣ маленькія, она ихъ оставляла на рукахъ у хорошей няньки, препоручала мнѣ и другимъ сосѣдямъ, а у меня девять человѣкъ; казалось, совѣстно ихъ оставить, мои уже требовали воспитанія и нравственности; я думала, что для нихъ я должна принести эту жертву, разстаться съ моимъ Матей, думала, что они успокоютъ меня хотя немного, къ тому же у Аксаковыхъ и средства были лучше нашихъ.

А. П. Золотухина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.

ВЪ ЗАПИСКАХЪ АННЫ ИЛЬИНИШНЫ ЗОЛОТУХИНОЙ.

V [1]).

Наконецъ, настаетъ тотъ ужасный день 25 ноября (1812 г.); полку велѣно выходить въ 9 часовъ утра, а Матя хотѣлъ, чтобы, посадя меня въ сани, ѣхать самому къ баталіону; не знаю въ 10 часовъ или ранѣе мы прощаемся съ Матей; описать то, что было со мною при разставаньи, никакъ не могу. Мнѣ не было дурно, я глядѣла во всѣ глаза, но ничего не видѣла; Викулинъ проводилъ меня до заставы и я поѣхала одна въ саняхъ, а въ другихъ дѣвка. Стужа была такъ велика, что люди всѣ перезнобились, а я въ одной шубѣ и ничего не чувствовала, сидѣла и даже не плакала; человѣку нашему показалось, что я озябла, онъ надѣлъ на меня свою шинель. Проѣхавъ 50 верстъ безъ остановки, я вспомнила, что я не завела часы, вынимаю ихъ и вижу, что еще одиннадцать часовъ; они остановились; говорю: „какъ рано“, но кучеръ говоритъ, что солнце уже сѣло; тутъ я пришла немного въ себя, слезы полились изъ глазъ и сердце немного облегчилось; я вообразила, что я почти съ Матей не простилась, казалось, что я его не прижимала къ стѣсненной горестью груди своей, казалось онъ меня мало цѣловалъ и тоска опять овладѣла мною. Въ такомъ положеніи я доѣхала уже къ вечеру до сестрицы Надежды Ивановны; какъ я вошла къ ней, то Татьяна Ивановна, видя мои страданія, дала мнѣ капель; я много

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1889 г., т. LXIV, ноябрь, стр. 257—288.

плакала, она хотѣла дать мнѣ обѣдать, но могла ли я, разставшись съ Матей, ѣсть что нибудь. Почувствовавъ, что я очень озябла, я попросила чаю; видя мою грусть, они всѣ очень разстроились сами; я у нихъ ночевала; лежа въ постелѣ я всю ночь не переставала плакать. Отобѣдавъ у нихъ, поѣхала домой, и чѣмъ ближе подъѣзжала къ дому, тѣмъ ужаснѣе было мое положеніе, тѣмъ больше тоска раздирала мое сердце, всѣ тѣ мѣста, гдѣ Матя бывалъ со мною, были оплаканы; подъѣзжая къ пикетамъ, гдѣ они кордонъ держали у Оки, я плакала, а проѣзжая ту квартиру, гдѣ я родила Митю, вспомня все его (т. е. мужа) о мнѣ попеченіе и нѣжную заботливость, рыданія мои усилились еще болѣе; пріѣхавъ домой и увидя домъ свой и дѣтей, я лишилась чувствъ и меня уже втащили въ комнаты; матушка и сестра также очень разстроились, дѣти даже и самыя маленькія, чувствовали ту тягость, которая лежала у меня на сердцѣ, большіе плакали, маленькіе боялись подойти ко мнѣ; а какъ тяжело мнѣ было войти въ спальню, быть тамъ одной безъ милаго моего Мати! всякая комната нѣсколько разъ была оплакана мною такъ, что даже маленькій мой Саша лишь только меня увидитъ, то кинется ко мнѣ на руки и, къ образамъ протянувъ ручонки, говоритъ: „ дай Богъ папу“ и кланяется,—онъ ничего больше не говорилъ. Невозможно описать какъ тяжело мнѣ было видѣть дѣтей, они всѣ молились съ большимъ усердіемъ о миломъ своемъ папенькѣ. Я клала Лидиньку съ собой на постель спать, а Зинаидину кровать поставила возлѣ своей; я не могла спать; грусть моя не только не уменьшалась, но часъ отъ часу возрастала; я проводила почти всѣ ночи въ слезахъ или молилась о своемъ Матѣ и просила Царя Небеснаго о нашемъ соединеніи; всѣ наши сосѣди пріѣзжали ко мнѣ, одни, чтобы узнать о своихъ, другіе меня провѣдать, но ничто не могло меня отвлечь отъ моей тоски, она безпрестанно терзала меня; многіе бранили меня, другіе дивились моему отчаянію, но оно не уменьшалось. Цѣлую недѣлю я не имѣла извѣстія о миломъ другѣ сердца моего и выходила изъ себя; матушка съ сестрой собрались ѣхать къ Елагинымъ на нѣсколько дней, я осталась одна съ дѣтьми; мнѣ казалось, что лучше остаться одной и свободно предаваться своему горю.

Однажды по утру я только что выхожу внизъ, Яшка Ѳе-

доровъ говоритъ мнѣ, что онъ слышалъ, будто въ Тарусѣ есть у перевозчика письмо ко мнѣ отъ Мати; въ ту же минуту я поспѣшила послать въ Тарусу, но человѣкъ встрѣтилъ на пути перевозчика, который ѣхалъ ко мнѣ и везъ письмо, которое я оплакала и перечитывала тысячу разъ; сначала радуюсь, что имѣю извѣстіе, что мой Матя здоровъ, а послѣ, разсчитавъ сколько времени писано уже это письмо, воображаю, что по отправленіи этого письма Богъ знаетъ что съ нимъ дѣлается, можетъ стужа чрезвычайная, можетъ быть онъ простудился и боленъ, можетъ еще того хуже; Богъ знаетъ чего не придумывала и такъ терзалась ежеминутно. Матушка поѣхала, я перевела въ свою комнату Анночку и Машеньку, но грусть мою ничто не могло облегчить; я не была покойна ни минуту, думая постоянно, что мой милый Матя въ какой нибудь опасности или боленъ; мнѣ казалось, что я его никогда не увижу и эта убійственная мысль безпрестанно терзала меня. Думая облегчить эту ужасную грусть, я ѣздила къ нѣкоторымъ сосѣдямъ, но ничто не помогало; была у Викулиной, поплакала съ ней, ѣздила къ Пушкинымъ, получила отъ неоцѣненнаго друга своего еще письмо; онъ писалъ мнѣ всякій день по страничкѣ и по нѣсколько вмѣстѣ присылалъ; я писала къ нему безпрестанно, но онъ не получалъ моихъ писемъ. Во время нашествія французовъ наши почты въ нѣкоторыхъ губерніяхъ еще не были установлены; не смотря на это, я просиживала надъ письмами почти цѣлыя ночи и признаюсь, писавши, все плакала; но эти слезы только и утѣшали меня; читала его письма, разбирала которыя нѣжнѣе написаны и опять укладывала въ ларчикъ; поѣхала къ старшей сестрицѣ Надеждѣ Ивановнѣ, взявъ съ собою старшихъ дѣтей; матушка была еще тамъ; я привезла ей письма своего милаго Мати, но читать ихъ никакъ не могла; Варвара Ивановна читала ихъ, а я опять плакала. Пробывъ тутъ двое сутокъ, я поѣхала домой, ѣздила къ Пушкиной и провѣдала дѣтей Аксаковыхъ; увидя ихъ однихъ, вспомнила опять всѣ обстоятельства и также поплакала. Такимъ образомъ я провела время до 20 декабря (1812 г.). Всѣ твердили, что ополченіе должно непремѣнно возвратиться въ январѣ, полагали, что въ немъ нѣтъ никакой нужды, всѣ такъ говорили, а я думала иначе, и то, что всякій шагъ моего Мати удалялъ его отъ меня, не выходило у

меня изъ мысли; думали мы съ Пушкиной, что если они остановятся въ Рославлѣ, то непремѣнно ѣхать къ нимъ хотя повидаться.

20 декабря получаю я черезъ оказію письмо отъ милаго своего Мати, онъ пишетъ мнѣ, что имъ велѣно идти въ Минскъ и что есть слухи, что и на Цесарскія границы; только тотъ, кто любилъ такъ, какъ я любила своего Матиньку, и былъ въ разлукѣ, можетъ понять, что я чувствовала, получивъ это письмо: надежда скоро увидѣть его совсѣмъ исчезла, къ тому же я знала, что съ нимъ денегъ не такъ много; какъ доставить ихъ къ нему! Боже мой, какое это было мучительное положеніе, я не знала что дѣлать; рѣшаюсь ѣхать просить Богданова нельзя ли перевезти нашъ баталіонъ въ Тулу или черезъ него послать деньги, такъ какъ онъ посылалъ ордера къ нашимъ, чтобы по крайней мѣрѣ хоть деньги переслать къ Мати; ѣду въ Тулу, беру съ собою Анночку и Машеньку, чтобы не быть одной на квартирѣ; заѣзжаю къ Викулиной; по пути пишу къ Мати, заготовляю письмо, думая съ вѣрной оказіей послать, конечно, писавши горько плачу; пріѣзжаю въ Тулу въ 10 часовъ утра, посылаю къ Александру Ивановичу Богданову, онъ пріѣзжаетъ ко мнѣ черезъ нѣсколько минутъ, говорю ему съ чѣмъ я пріѣхала въ Тулу; на это онъ сообщаетъ мнѣ, что тульское ополченіе идетъ уже не въ Минскъ, а въ Витебскъ, что Николай Ивановичъ получилъ ордеръ отъ Кутузова, чтобы ни одного человѣка изъ всего тульскаго ополченія въ Тулѣ не оставалось, слѣдовательно нѣтъ возможности возвратить нашъ баталіонъ; я прошу, чтобы переслать къ Мати мое письмо и деньги съ ордеромъ въ нашъ полкъ. Онъ говоритъ, что письмо возможно, но деньги нельзя, потому что тульское ополченіе не состоитъ уже подъ ордерами его брата, что онъ зависитъ отъ свѣтлѣйшаго и что Богдановъ уже ни одного ордера не станетъ посылать ни въ одинъ полкъ; сказываетъ, что губернаторъ боленъ, а губернаторши нѣтъ въ городѣ; все это меня еще больше разстроило и горесть моя усилилась; мнѣ хотѣлось видѣть губернатора и самой отъ него узнать вѣрно ли все это; Александръ Ивановичъ сказалъ мнѣ, что его дочь и дочь губернатора пріѣдутъ послѣ обѣда повидаться со мною на мою квартиру; въ 4 часа прислали онѣ ко мнѣ человѣка сказать, что онѣ не могутъ быть у меня, потому что

пріѣхала губернаторша: я обрадовалась ея пріѣзду, потому что это подало мнѣ надежду увидѣть губернатора; ко мнѣ пріѣхалъ Тихменевъ; увидя меня, уговаривалъ, чтобы я не такъ плакала, но возможно ли это въ разлукѣ съ Матей! Вечеромъ присылаетъ меня звать къ себѣ Пушкина; она также пріѣхала просить губернатора о доставленіи письма къ мужу, но получила отвѣтъ, что у него нѣтъ оказіи доставить его; я поѣхала къ ней, она мнѣ говоритъ, что Месновъ (онъ остался въ Тулѣ, не пошелъ въ походъ съ полкомъ) получилъ отъ полковника ордеръ принять изъ комитета жалованье и привезти въ полкъ, но что онъ самъ не ѣдетъ, а посылаетъ людей; я тотчасъ посылаю къ нему съ письмецомъ просить его, чтобы онъ мое письмо и деньги тутъ же доставилъ къ Мати; онъ тотчасъ же пріѣзжаетъ ко мнѣ, берется доставить, предлагаетъ мнѣ, нѣтъ ли нужды больше послать, чтобы я взяла у него сколько мнѣ нужно, но я не хотѣла этого, просила доставить то, что было со мною; на другой день я поѣхала съ обоими дѣтьми обѣдать къ губернаторшѣ; она мнѣ очень обрадовалась; Александръ Ивановичъ предложилъ, если будетъ повѣрнѣе оказія, послать своихъ денегъ къ Мати, сколько я велю ему, а послѣ увѣдомитъ меня и я тогда возвращу ему ихъ; но я не приняла и его предложеніе, знала, что это пустяки; мнѣ очень хотѣлось видѣть губернатора, но сколько я ни заговаривала объ этомъ разными манерами, губернаторша меня не понимала; Александръ Ивановичъ все затворяетъ дверь въ спальню и самъ бѣгаетъ отъ меня, старается, чтобы я съ нимъ не завела опять той же матеріи, потому что я ему много говорила прежде. Наконецъ, губернаторъ, узнавъ, что я у нихъ присылаетъ меня просить къ себѣ въ спальную; я тотчасъ пошла къ нему, повторила ему просьбу мужа, которую передавала уже его брату, и получила точно такой же отвѣтъ; я напомнила ему его обѣщаніе и то, что онъ покойно лежитъ на кровати, а наши въ такіе жестокіе морозы то туда, то сюда ходятъ; мнѣ было такъ грустно, что я наговорила ему много непріятностей; онъ конфузился, не зналъ что мнѣ отвѣчать, говорилъ, чтобы я отдала ему письмо къ Мати, что онъ его доставитъ вѣрно, однако, вѣрность эта вмѣстѣ съ письмомъ вмѣстѣ пропала; Матя не получилъ его; губернаторъ сказалъ мнѣ, что есть слухи, что тульское ополченіе возвратится, но я видѣла, что это пустяки; онъ

обѣщалъ также, что какъ скоро произойдетъ какая перемѣна, то Александръ Ивановичъ чрезъ нарочнаго увѣдомитъ меня; они воображали, что этой пустой надеждой можно утѣшить убитое горестью сердце; мнѣ было у нихъ такъ тяжело, что я спѣшила уѣхать; бывъ въ такой жестокой тоскѣ, больно было смотрѣть на спокойныхъ людей; тутъ же всѣ сбирались на балъ и дѣлали наряды, а тому, кто такъ страдалъ душою, какъ я, все это еще болѣе усиливало тоску. Я поѣхала домой; губернаторъ сказалъ мнѣ, чтобы я привезла письмо къ своему Мати, онъ уже какъ нибудь постарается доставить, хоть чрезъ Миллера. На другой день, рано утромъ, поѣхала я къ брату Аѳанасію Ивановичу; пріѣхала къ нему; они только что отобѣдали, очень мнѣ обрадовались, поплакали со мною; переночевавъ у нихъ и отобѣдавъ, я поѣхала опять въ Тулу; пріѣхавъ, написала письмо къ своему милому другу и вечеркомъ повезла къ Богданову; просидѣла у него съ часъ; письмо отъ меня взяли и положили на бюро, я думаю, оно и теперь тамъ лежитъ; губернаторъ сказалъ мнѣ, что онъ не помнитъ отъ кого слышалъ, что будто ополченіе скоро вернется и что если онъ узнаетъ, что это правда, то съ нарочнымъ меня увѣдомитъ, но я совсѣмъ не надѣялась на его обѣщаніе, видѣла ясно, что оно дано мнѣ для того, чтобы я перестала напоминать ему его прежнія обѣщанія.

Пріѣхавъ на квартиру, я послала къ Месному деньги и другой пакетъ съ письмами къ своему Мати и, переночевавъ еще одну ночь въ Тулѣ, рано поутру поѣхала домой, остановилась кормить лошадей у Николы, для того, чтобы сходить въ церковь и отслужить молебенъ; священника не было дома, но дьяконъ отперъ церковь и я съ дѣтьми помолились въ ней. Вечеромъ, дорогой, у меня такъ разболѣлась грудь, что я не въ силахъ была доѣхать домой, заѣхала къ Викулиной и, напившись горячаго, легла спать; вставъ по утру, грудь продолжала болѣть у меня и я хотѣла тутъ отдохнуть, поэтому осталась обѣдать; столъ уже накрыли, когда пріѣхала Анна Алексѣевна, я взглянула въ окошко и увидала свою лошадь и человѣка; меня это немного встревожило, я хотѣла подойти ближе, чтобы посмотрѣть, но Викулина, заглянувъ въ окно, закричала: «вонъ, нашего ополченія»; я узнала Гаврюшку, и мы обѣ побѣжали на дворъ, Баскакова удерживала насъ, но мы ничего не слушали; выбѣжавъ на дворъ, засыпали

его вопросами, но я не поняла ни одного отвѣта; наконецъ, онъ говоритъ, что есть письмо отъ Мати, но что оно у другаго человѣка, я не могу дождаться этого письма. Баскакова, видя, что я вся трясусь и не могу выговорить слова, принесла мнѣ письмо, но я не могла распечатать его, руки у меня тряслись; она мнѣ дала капель и я немного пришла въ себя, слезы также много облегчили меня; я распечатала письмо, но начала никакъ не могла найти, прежде прочла конецъ, всякую строчку омыла слезами и нѣсколько разъ перечитала. Изъ письма я узнала, что Матя, не имѣвъ отъ меня никакого извѣстія, прислалъ нарочнаго урядника Тетюрева и воина своей отдачи (т. е. сданнаго изъ его вотчины) меня провѣдать. Призываю опять Гаврюшку, не могу съ нимъ наговориться, спѣшу домой, чтобы видѣть урядника; они пріѣхали наканунѣ и матушка послала ко мнѣ въ Тулу человѣка, съ которымъ до Нечаева доѣхалъ Гаврюшка; онъ привезъ Викулиной также письма: я взяла Гаврюшку съ собою въ Кошкино, а человѣка, посланнаго ко мнѣ, послала съ письмомъ къ Месному, чтобы взятьмой пакетъ съ письмами и деньги, полагая вѣрнѣе и скорѣе послать ихъ съ урядникомъ. Пріѣхавъ домой, я застала у себя сестрицу Надежду Ивановну, съ дочерьми, и Попову; увидя ихъ, слезы мои также не могли удержаться, но какъ Попова уѣхала и мы остались однѣ, то я стала опять читать Матино письмо. Матя писалъ мнѣ, что урядникъ и воинъ надежные люди и что если бы возможно, то, взявъ съ собою Анфорова и двухъ Якововъ, я поѣхала бы къ нему; впрочемъ, онъ писалъ далѣе, что это пустыя мечты, что это невозможно, о Витебскѣ ничего не упоминаетъ, пишетъ, что всѣ идутъ въ Минскъ; мнѣ пришло на мысль, что эти строки въ его письмѣ означаютъ точно, чтобы я пріѣхала къ нему, что онъ самъ этого желаетъ; ахъ, какъ это согласовалось съ моимъ желаніемъ! Перечитываю двадцать разъ эти милыя строки, часъ отъ часу убѣждаюсь, что мнѣ дѣйствительно слѣдуетъ ѣхать, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, что уже силъ недоставало, положеніе мое было невыносимое, матушка и сестра измучились, глядя на меня; во-вторыхъ, что Матя желаетъ видѣть меня; возможно ли не ѣхать? Матушка и сестра приводятъ мнѣ многія причины, по которымъ нельзя ѣхать: первое, что если я поѣду въ Минскъ, а они пойдутъ съ полкомъ въ Витебскъ, или если я поѣду въ Витебскъ, а они въ Минскъ,

по это не казалось мнѣ препятствіемъ. Тетюрева не было дома, онъ ѣздилъ къ Анфоровымъ, также возилъ письма; не могу его дождаться; наконецъ, онъ пріѣзжаетъ, бѣгу къ нему, разспрашиваю о миломъ Матѣ, не велѣлъ ли онъ мнѣ пріѣзжать съ ними? онъ говоритъ, что ничего не слыхалъ объ этомъ; досадую, отчего Матя прямо не написалъ, тогда бы и матушка меня не остановила; чувствую, однако, что я никакъ безъ него не могу жить, дѣтьми не могу даже заниматься; казалось, чтобы сберечь себя для дѣтей, мнѣ непремѣнно нужно было видѣть Матю; вижу, что матушку и сестру огорчаетъ мое намѣреніе ѣхать къ Мати, не знаю что дѣлать, терзаюсь день и ночь, со мною начинаютъ дѣлаться обмороки; Аннночка моя и Маша, видя мои мученія, приступаютъ къ тетенькѣ, чтобы она меня отпустила къ папенькѣ; Елагины были свидѣтелями сей ужасной горести моей, они всѣ совѣтуютъ мнѣ ѣхать, видя, что я изстрадалась. Въ Крещенье пріѣзжаютъ ко мнѣ Донская, Викулина, Савинькова, Анфорова, привозятъ письма къ нимъ; Анфорова удерживаетъ меня, чтобы я подождала ѣхать, Савинькова едва сама не рѣшается со мною ѣхать, Донская, видя мои мученія, совѣтуетъ мнѣ ѣхать и, признаюсь, мнѣ казалось, что она больше всѣхъ чувствовала и понимала мое положеніе, судя по себѣ; безпрестанное волненіе мучило меня и я ни на что не рѣшалась; сидя за столомъ, я очень плакала, такъ что сестрицѣ Надеждѣ Ивановнѣ сдѣлалось дурно, глядя на меня. Тетюревъ говоритъ мнѣ: не лучше ли такъ сдѣлать, чтобы его поскорѣе отправить и чтобы я написала къ Мати, чтобы онъ опять прислалъ его за мной, а теперь можетъ я долго полкъ проищу; я уже была такъ разстроена, что повѣрила этому, вообразила, что Матя непремѣнно пришлетъ за мной Тетюрева или самъ пріѣдетъ, рѣшилась отпустить его, не мѣшкая, прося его, чтобы онъ какъ можно скорѣе ѣхалъ и назадъ возвращался за мною, чтобы онъ сказалъ Мати, въ какомъ я положеніи и какъ нетерпѣливо жду присылки за собою. Пишу къ Мати; пріѣзжаетъ Пестова, мы вмѣстѣ съ ней принимаемся писать и плакать; по утру отправляю Тетюрева и остаюсь съ надеждою, что Матя пришлетъ за мною; взявъ съ Тетюрева слово, что онъ нигдѣ мѣшкать не будетъ и что навѣрно пріѣдетъ за мною, я остаюсь немного спокойнѣе.

Пестова зоветъ меня къ Андрею Тимоѳеевичу (Болотову) на рож-

деніе Маріи Абрамовны; привыкнувъ почитать это семейство и находя всегда большое удовольствіе быть съ этими почтенными людьми, взявъ съ собою Анночку и Машу, я поѣхала къ вечеру къ нимъ; переночевавъ у нихъ, остаюсь еще обѣдать; Пестова упрашиваетъ меня, чтобы я къ ней проѣхала, я даю ей слово; она поѣхала домой. Послѣ обѣда я собираюсь ѣхать къ ней, но хочу заѣхать къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Болотовой; Александра Михайловна со мною ѣдетъ къ ней же; входимъ въ комнату, Болотова говоритъ мнѣ, что она сейчасъ получила письмо отъ Соколова, въ которомъ онъ ее увѣдомляетъ, что пріѣхалъ Аксаковъ и привезъ домой жену; она беременна и поэтому не можетъ быть съ нимъ въ походѣ и что Аксаковъ пробудетъ дома только одни сутки; услышавъ это, я написала Пестовой записку, что не могу быть у нея этотъ разъ, спѣшу домой, чтобы завтра пораньше повидаться съ Аксаковымъ и поговорить о своемъ миломъ Матѣ; ѣхавши домой, мнѣ не разъ приходила мысль ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, но боялась затруднить его собою; пріѣхавъ домой, ночью написала Мати письмо; Аксакова увѣдомляла меня запиской, что Матя, слава Богу, здоровъ, чтобы я писала къ нему, а она отъ моего Мати везла записочку ко мнѣ, но потеряла ее, что мнѣ было очень досадно и если бы меня Матя не предувѣдомилъ, что онъ съ Аксаковой, можетъ быть, писать не станетъ, потому что поѣхалъ въ матушкину деревню, въ Могилевскую, то я не могла бы быть спокойной, я бы Богъ знаетъ что придумала. Взявъ опять съ собою Машу и Анночку, я повезла письмо свое къ Аксакову; чувствуя себя не очень здоровою, я не хотѣла возвратиться въ тотъ же день, но на прощанье ихъ никакъ не могла остаться и поѣхала, съ тѣмъ, чтобы отъ нихъ проѣхать ночевать къ Пушкинымъ; къ Аксаковымъ пріѣхали Викулина и Савинкова съ матерью и сестрой, онѣ меня давно не видали и очень удивились какъ я похудѣла; сидя за столомъ, Аксаковъ вдругъ говоритъ мнѣ: „А вашъ Матвѣй Ивановичъ мнѣ говорилъ: если моя Анночка поѣдетъ съ тобой, то привези ее, пожалуйста“.

Въ ту же минуту я говорю ему, что была бы весьма обязана ему, если бы это возможно, и онъ съ удовольствіемъ берется довезти меня. Какъ объяснить то, что я почувствовала при этомъ отъ радости, какъ я была обязана Аксакову, и какъ

онъ былъ мнѣ милъ въ это время, я не знала какъ благодарить его; Марья Николаевна (Аксакова) совѣтуетъ мнѣ ѣхать для успокоенія себя и говоритъ, что мой Матя также очень похудѣлъ и груститъ обо мнѣ; я рѣшаюсь, да и какъ не рѣшиться на то, чего такъ страстно желаешь, о чемъ безпрестанно молишь Царя Небеснаго. Говорю Аксакову, что я ѣду спроситься у матушки, и что если она меня не остановитъ, то я завтра пріѣду къ нему очень рано, собравшись совсѣмъ, если же матушка не согласится на это, то пришлю къ нему сказать. Боже мой, въ какой тревогѣ ѣду я домой, съ какимъ страхомъ, что матушкѣ будетъ также тяжело отпустить меня, и что она не рѣшится на это. Пріѣзжаю къ матушкѣ, разсказываю ей все, она не останавливаетъ меня, сестра также берется по дружбѣ къ намъ имѣть попеченіе о дѣтяхъ моихъ; радость переполняетъ сердце мое, призываю Елисавету, велю ей уложить вещи; матушка отпускаетъ со мною свою женщину; я беру съ собою еще Яшку Ѳедорова; вечеромъ отдаю нѣкоторыя приказанія Якову; ночь не могу спать; надежда, что чрезъ нѣсколько дней обниму милаго своего друга, неоцѣненнаго Матиньку, грусть оставить дѣтей на неопредѣленное время, все это вмѣстѣ не даетъ мнѣ уснуть ни минуты; въ 5 утра я встаю; матушка, сестра и старшіе мои дѣти также встаютъ проводить меня. Прощаясь съ ними, я была почти безъ чувствъ; съ одной стороны радость быть вскорѣ съ Матей, съ другой горесть оставить матушку, сестру и дѣтей дѣйствовали на меня такъ сильно, что я не помнила себя, но разсудивъ, что я еще больше разстраиваю своею грустью матушку и сестру и что я оставляю дѣтей подъ такимъ покровительствомъ, что о нихъ нечего безпокоиться, я только и думаю о предстоящемъ радостномъ свиданіи съ Матей; въ 6 часовъ простясь съ матушкой, прося ее со слезами о милостивомъ покровительствѣ дѣтямъ, обнявъ съ искреннимъ дружескимъ чувствомъ сестру, бывъ твердо увѣрена, что она по добротѣ своей и дружбѣ къ намъ не оставитъ дѣтей, въ чемъ я не ошиблась, такъ какъ она по своимъ попеченіямъ о нихъ была имъ вторая мать; попрося ее о нихъ еще разъ, перецѣловавъ своихъ малютокъ, перекрестивъ ихъ и отеревъ слезы, я сѣла въ кибитку, посадивъ съ собою польку, и поѣхала къ Аксакову, съ тѣмъ, чтобы ѣхать съ нимъ къ милому сердца своего, къ моему Мати.

VI.

Пріѣхала къ нему; онъ говоритъ, что у него все готово къ отъѣзду и онъ ждетъ только урядника, Бунцлера, который съ нимъ пріѣхалъ и отправился къ роднымъ. У нихъ сидѣла Силиверстова; она пріѣхала просить Аксакова, у котораго въ баталіонѣ былъ ея мужъ, чтобы его отпустили на нѣсколько дней въ отпускъ, для устройства своего состоянія, которое было весьма разстроено; онъ далъ ей слово непремѣнно въ скоромъ времени исполнить ея желаніе, за что она была ему такъ благодарна, что безпрестанно твердила о доброй душѣ его. Мнѣ также казалось, что, взявъ меня съ собой къ моему Мати, онъ дѣлалъ такое удивительное благодѣяніе, что нельзя больше; мы обѣ съ Селиверстовой прославляли доброту его сердца, онъ очень былъ доволенъ. Пріѣхалъ Бунцлеръ, накрыли столъ для завтрака, мы стали изыскивать средство, какъ намъ ѣхать удобнѣе; Аксаковъ увѣрялъ меня, что я увижу своего Матю черезъ четыре дня и мысль эта восхищала меня. Подорожная у него была на три лошади, но онъ думалъ для себя брать по шести, потому что съ нимъ былъ урядникъ, воинъ и своихъ два человѣка, да мнѣ еще три лошади подъ мою кибитку. Николай Ивановичъ выдумалъ дать отъ себя подорожную Бунцлеру на три лошади, я его прошу, чтобы онъ взялъ къ себѣ мои деньги на прогоны, но онъ говоритъ, что въ нихъ нужды не будетъ; я очень этому удивилась, просила, чтобы разстолковалъ мнѣ это, и тутъ узнала, что мы поѣдемъ на обывательскихъ; садимся завтракать, пріѣзжаетъ Пушкина съ дочерью, удивляется моей рѣшимости, спрашиваетъ куда я ѣду, не зная гдѣ находится полкъ, но меня никакіе резоны остановить не могутъ; я ей говорю, что черезъ четыре дня буду съ Матей, прижавъ его къ своему сердцу, скажу съ чѣмъ сравнится мое блаженство!

Позавтракавъ, мы стали сбираться ѣхать, и я очень боялась, что разстроюсь, увидя разставанье Аксаковыхъ; спѣшила поскорѣе сѣсть въ кибитку; недолго мѣшкалъ и онъ; мы поѣхали въ Алексинъ, я еще на своихъ лошадяхъ, а онъ

въ саняхъ на обывательскихъ и кибитка его на другой тройкѣ обывательской. Пріѣхали въ Алексинъ прямо къ Соколову, у нихъ была Арсеньева, Елена Михайловна; узнавъ о моемъ путешествіи, она удивилась, но я была въ страшномъ восторгѣ, воображая, какъ скоро я увижу моего Матю; напились мы тутъ чаю, привели шесть лошадей; Николай Ивановичъ уже оставилъ свои сани, переложилъ вещи въ мою кибитку, и я съ дѣвкой въ своей кибиткѣ, а онъ съ Бунцлеромъ въ своей поѣхали изъ Алексина; я отправила своихъ лошадей домой; написавъ къ сестрѣ письмецо, просила ее, чтобы она извинила меня передъ всѣми родными, что я уѣхала не простясь, и передъ тѣми, у кого были близкіе въ нашемъ ополченіи; мнѣ некогда было взять писемъ отъ нихъ. Лошадей намъ далъ исправникъ прекрасныхъ, и мы скакали очень скоро; Николай Ивановичъ говорилъ, что большою дорогою ѣхать дальше и больше безпокойства, поэтому онъ выбралъ самую ближнюю и спокойную дорогу и все говорилъ, что онъ думаетъ, что мнѣ будетъ очень тяжело, а то бы онъ доѣхалъ въ три дня, или еще скорѣе; я просила его, чтобы онъ спѣшилъ какъ можно скорѣе, потому что ѣхать къ Мати мнѣ было нисколько не трудно. Проѣхавъ тридцать верстъ, пріѣзжаемъ на какой-то заводъ, гдѣ было большое селенье; начинало темнѣть; требуемъ лошадей, говорятъ нѣтъ; подаемъ подорожныя, ихъ не хотятъ смотрѣть, говорятъ нѣтъ лошадей потому, что тутъ вся деревня занята фабричными, а мужиковъ совсѣмъ нѣтъ; Николай Ивановичъ грозитъ избить ихъ, бранится, брань не помогаетъ, а бить себя не даютъ, но говорятъ, что въ сторонѣ есть деревня, куда велятъ насъ проводить, между тѣмъ поднялась сильная мятель и совсѣмъ стемнѣло; мы поѣхали въ указанную деревню, насъ повели по мерзкой дорогѣ и на крутыя горы, однако, мы доѣхали благополучно до деревни и остановились у первой избы. Мы съ Николаемъ Ивановичемъ вошли въ избу, крошечную и премерзкую, а Бунцлера послали къ помѣщику съ подорожными просить лошадей; только что мы собрались пить чай, Бунцлеръ приходитъ, говоритъ, что помѣщикъ проситъ къ себѣ чаю напиться, пока лошадей будутъ перемѣнять, и предлагаетъ лучше ночевать у него, такъ какъ ѣхать ночью въ мятель на обывательскихъ лошадяхъ будетъ неспокойно. Николай Ивановичъ принимаетъ его предложеніе;

чтобы не причинять ему безпокойства, я также соглашаюсь ѣхать къ господину Приморскому, и если мятель не перестанетъ, то ночевать, если же погода будетъ лучше, то прошу Николая Ивановича ѣхать непремѣнно ночью. Итакъ, сѣвъ въ свои повозки, мы поѣхали.

Подъѣзжаемъ къ господскому дому, состоявшему изъ двухъ флигелей; входимъ въ комнаты, хозяинъ человѣкъ лѣтъ сорока сидитъ за ломбернымъ столомъ, видъ его показался намъ какъ-то очень страненъ; онъ большой говорунъ и веселъ очень; жена его также не молодая женщина, очень ласковая, простая; свояченица старая дѣвушка, дочь лѣтъ семнадцати, замужняя, племянница дѣвушка лѣтъ тридцати, еще три дочери очень молоденькія; когда мы познакомились, то надобно было разсказать куда и зачѣмъ я ѣду; намъ подаютъ чай и хлопочутъ, чтобы скорѣе лошади были готовы, хозяинъ поминутно посылаетъ узнать почему долго лошадей не ведутъ, а хозяйка и дочь ея уговариваютъ ночевать; наконецъ, дочь разсказываетъ мнѣ, что и ея мужъ въ ополченіи; узнавъ, что его фамилія Рославскій, я сказываю ей, что онъ былъ у насъ въ домѣ; узнавъ кто я, она также говоритъ, что отъ него все слышала, благодарила за ласковый пріемъ и начали насъ уговаривать непремѣнно ночевать, приготовили очень хорошій ужинъ, старались очень угощать, и мы по причинѣ дурной погоды вынуждены были остаться ночевать. По утру, покуда подавали кофе и чай, прошло уже почти все утро; товарищъ мой не торопился, а я теряла терпѣніе, наконецъ, въ 9 часовъ мы выѣзжаемъ; мятель не унимается; лошади мерзкія, дорога проселочная и тяжелая, кибитка товарища моего такъ мала, что ему не было возможности сидѣть въ ней, и такъ тяжела, что ее насилу тащили; весь день онъ сидѣлъ у меня на облучкѣ не смотря на мятель и стужу; ночь мы также принуждены были ночевать, мятель не унималась, морозъ былъ прежестокій, къ тому же, избирая все ближайшія дороги, мы ѣздили проселками и путались, а на третій день я уговорила его сѣсть со мною въ кибитку, а дѣвку посадили въ его кибитку; въ эту ночь и въ слѣдующую опять была мятель, опять ночуемъ, я выхожу изъ себя, теряю терпѣніе, мы все еще странствуемъ по Калужской губерніи; какъ выѣхали изъ Алексина первую станцію, сердце мое трепетало,

воображая, что я чрезъ четыре дня буду обнимать Матю, а тутъ мы уже ѣхали трое сутокъ и все еще отъѣхали не болѣе ста верстъ; я упрашиваю своего товарища, чтобы уже не ночевать дорогой и чтобы не выбирать кратчайшихъ дорогъ, но ѣхать по одной. На четвертый день мы пріѣзжаемъ въ деревню, закинуты рогатки и нѣтъ проѣзда, потому что вся деревня почти вымерла; наши лошади стали совсѣмъ, мѣнять негдѣ, заѣзжаемъ погрѣться въ харчевню, насилу насъ пустили; тутъ былъ къ лѣсу приставленный офицеръ и пилъ вмѣстѣ съ харчевникомъ. Харчевникъ опять указываетъ ближайшій путь къ Казельску; Николай Ивановичъ опять записываетъ и мы ѣдемъ по его словамъ, ѣдемъ до самаго вечера; ни одной деревни по пути, лошади совсѣмъ стали, кибитка Аксакова поминутно вязла; наконецъ, пріѣзжаемъ въ деревню, кругомъ такъ все занесло, что никуда, кромѣ господскаго двора, проѣхать нельзя; ѣдемъ туда, посылаемъ просить позволенія войти покуда лошадей перемѣняютъ; намъ говорятъ, что эта деревня Щербачева, казельскаго предводителя, что лошадей нѣтъ и его дома нѣтъ, а жена его больна и насъ принять не можетъ; товарищъ мой идетъ самъ и насильно входитъ и заставляетъ пригласить и меня; племянница ихъ насъ принимаетъ, наконецъ, просить войти къ теткѣ; та принимаетъ насъ очень гордо, опять надобно разсказывать какъ и куда мы ѣдемъ; узнавъ, что я невѣстка Афанасью Ивановичу, а она съ нимъ и съ Елагиными очень коротка была, знала Матиньку еще маленькаго, перемѣнила свое обращеніе со мною, сдѣлалась очень ласкова; мы пьемъ чай. Посылаютъ въ другую деревню за лошадьми; между тѣмъ пріѣзжаетъ хозяинъ и также ласково обходится съ нами, узнавъ, что я такая близкая родня Елагинымъ; хозяйка, услыхавъ, что мы еще не обѣдали, хотя уже было пять часовъ вечера, велитъ накрыть на столъ, мы обѣдаемъ, а лошадей приводятъ, уговариваютъ насъ ночевать, но я не соглашаюсь; уже мятель прошла; даютъ намъ двухъ человѣкъ провожатыхъ, до Казельска съ фонаремъ; мы нѣсколько разъ теряемъ дорогу, наконецъ, достигаемъ Казельска; никто насъ не пускаетъ остановиться къ себѣ; человѣкъ Щербачева именемъ своего барина грозился и уговаривалъ, но ничто не помогло; ѣдемъ на постоялые дворы, всѣ заняты постоями подъ больныхъ; наконецъ, Николай Ивановичъ говоритъ, что есть одна знакомая, какого-то

подьячаго жена; ѣдемъ къ ней, полагая навѣрное, что она пуститъ, но и тутъ ошиблись, она отказала, сказавъ, что больна; ѣдемъ еще въ деревню за пять верстъ отъ Казельска и тамъ уже мѣняютъ лошадей. Дни проходятъ, а мы все еще очень далеко отъ полка, а я теряю терпѣніе; грусть моя все усиливалась. Взявъ тутъ лошадей, ѣдемъ далѣе, пріѣзжаемъ наконецъ въ первое польское мѣстечко Хотимскъ, останавливаемся, чтобы перемѣнить лошадей, но намъ не даютъ ихъ и мы отправляемся впередъ; кибитка наша поѣхала впередъ насъ, а мы оставались еще, думая не выхлопочемъ-ли лошадей, но сколько ни старались, намъ не дали и мы на тѣхъ же поѣхали; пріѣзжаемъ въ другое мѣстечко, полагая, что наша кибитка вѣрно уже насъ тутъ ждетъ, но мы очень удивились и не знали что подумать, когда намъ сказали, что ее никто не видалъ; мы заѣхали къ одному русскому священнику, это уже было 10 часовъ вечера, хотѣли напиться чаю, внесли мой погребецъ, а ключей не было, они были у моей женщины, а она еще не пріѣхала; мы ждали ихъ два часа, послали отъискивать и крайне безпокоились о нихъ, но скоро ихъ отыскали; они поѣхали по другой дорогѣ, которая гораздо далѣе, и оттого промѣшкали. Напившись чаю, собирались ѣхать, священникъ пришелъ благословить насъ, прочелъ намъ на дорогу молитву и мы поѣхали; стужа была такъ жестока, что люди всѣ шли пѣшкомъ, а возницы наши идти не могли, такъ озябли; тамъ вообще всѣ мужики одѣты очень плохо, на ногахъ у нихъ лапти самыя маленькія и прозрачно сплетенныя и тоненькія онучки; проѣхавъ пять верстъ, человѣкъ мой подходитъ къ кибиткѣ и говоритъ, что возницы почти совсѣмъ замерзли; увидѣвъ, что близко фольваркъ, мы велѣли остановиться, чтобы отогрѣть ихъ; входимъ въ комнату, насъ принимаетъ полька, дочь эконома, довольно ловкая дѣвушка и очень бойкая, тотчасъ намъ подала чаю, велѣла топить печь, чтобы намъ отогрѣться, мнѣ велѣла послать постель, чтобы полежать; товарищъ мой много говорилъ тутъ, хвалилъ очень обращенье польскихъ дамъ, и эта полька была восхищена; онъ формально увѣрялъ, что не знаетъ ни одной русской женщины, которая бы во всемъ была такъ мила, какъ польки; по этому разговору я начинала понимать сужденія моего товарища и все время видѣла большую разницу въ немъ противъ того,

какимъ онъ мнѣ казался когда, я еще не знала его коротко; прежде я считала его очень умнымъ, но пробывъ съ нимъ неразлучно тринадцать сутокъ, я узнала его короче. Мы пробыли тутъ почти всю ночь; передъ свѣтомъ поѣхали; восемь дней мы были въ дорогѣ; я разсчитывала, что тотъ урядникъ Тетюревъ уже непремѣнно долженъ возвратиться къ полку; въ письмѣ, посланномъ съ нимъ, я описала Мати всю свою мучительную тоску, просила его пріѣхать къ себѣ; тутъ пришла мнѣ ужасная мысль, что мой Матя, увидя мою невыносимую грусть, попросится и поѣдетъ въ отпускъ,. чтобы сколько нибудь успокоить меня и облегчить чрезмѣрную горесть мою, а ѣхавши такъ долго, я не найду его въ полку; что̀ будетъ тогда со мною? я ѣду для того, чтобы быть съ Матей и видѣть его, и если разъѣдусь съ нимъ, то какъ я перенесу это, и что̀ мнѣ будетъ дѣлать, ѣхать ли назадъ, но съ кѣмъ? со мною былъ только одинъ человѣкъ и одна женщина; какъ рѣшиться на такое дальнее путешествіе съ ними? къ тому же, что̀, если Матя, пріѣхавъ домой и не найдя меня и узнавъ, что я поѣхала къ нему, поспѣшитъ возвратиться въ полкъ и я могу съ нимъ разъѣхаться. Остаться при полку, какъ мнѣ мой товарищъ ни увѣрялъ, что это будетъ лучше, но мнѣ казалось совсѣмъ не такъ хорошо, хотя я и была увѣрена во всѣхъ Матиныхъ товарищахъ, что я ими буду очень успокоена, потому что они любили моего Матю, — и вѣрно для него и мнѣ всегда была бы уступлена лучшая квартира, но Мати не было бы со мною, какъ бы я могла это вынести!

Наконецъ, мы пріѣзжаемъ въ Костюковичи; тутъ оставленъ былъ маршрутъ Аксакову; покуда перемѣняли лошадей, мы обѣдали; товарищъ мой призвалъ жидовскую музыку, но когда душа въ такомъ ужасномъ безпокойствѣ, то можно ли заняться чѣмъ нибудь; онъ хотѣлъ призвать какихъ-то жидовскихъ спѣвакъ, но я уже просила не призывать ихъ, потому что все это только усиливало мою грусть. Поѣхавъ изъ Костюковичъ, мы ѣхали сутки порядочно, но воображеніе, что я не найду Матю въ полку, безпрестанно тревожило меня, и нетерпѣніе мое доѣхать скорѣе увеличивалось каждую минуту; пріѣзжаемъ въ одну деревню мѣнять лошадей, тутъ живетъ сама помѣщица полька Ганковская, которая имѣетъ 2,000 душъ; послали къ ней подорожную, она приказываетъ звать къ себѣ; товарищъ мой очень

любилъ заѣзжать по гостямъ, поэтому и тутъ мы тотчасъ поѣхали; подъѣзжаемъ къ низенькому и длинному дому; насъ принимаетъ хозяйка, очень любезная вдова лѣтъ около 40; она много жила въ Петербургѣ, поэтому ея обращенье очень похоже на манеры русскихъ; она насъ прекрасно угостила, но лошадей намъ не дала, а дала провожатаго, сказавъ, что близко живетъ одинъ панъ, который вѣрно дастъ намъ лошадей и мы, взявъ провожатаго, отправились въ дальнѣйшій путь; проѣзжали нѣсколько деревень, но онѣ всѣ принадлежали этой помѣщицѣ, и провожатый нашъ не останавливался; уже было 9 часовъ вечера, проводникъ отъ насъ ушолъ, и мы путешествовали далѣе одни, не зная туда ли ѣдемъ. Наконецъ, пріѣзжаемъ въ деревню, гдѣ былъ панскій дворъ, ѣдемъ мимо него; въ домѣ услышали колокольчикъ и, полагая навѣрно, что это ѣдетъ кто либо изъ служащихъ, такъ какъ мимо нихъ прошло много полковъ, велѣли просить ужинать; у нихъ уже столъ былъ накрытъ; товарищъ мой въ другой разъ не заставлялъ повторить просьбу, мы поѣхали къ нимъ; насъ приняли очень ласково, панъ лѣтъ 75, жена его 40 небольше, два сына уже совершеннолѣтніе; оба они находились на службѣ у французовъ въ то время, какъ тѣ были въ Польшѣ; мы тутъ ужинали, послѣ ужина подавали чай, обыкновеніе польское; въ лошадяхъ опять намъ отказали; панъ Подберескo сказалъ: „коли вы не взяли лошадей у Ганковской, у которой въ окружности двѣ тысячи душъ, то какже взять у меня,—у меня только 60 душъ".

Сколько ни говорилъ мой товарищъ, ничто не помогло; ни гордость, ни ласка, ничто не было забыто, но все же мы должны были ѣхать на тѣхъ же лошадяхъ, на которыхъ уже проѣхали двѣ станціи; въ часъ ночи мы выѣхали отъ Подберески, возницы отъ насъ ушли, дали намъ провожатаго верхомъ; ночь была очень темна, лошади очень измучены; ѣхали очень тихо; люди наши нѣсколько ночей не спали, очень устали; у нашей кибитки сѣлъ править кучеръ Аксакова, а мой человѣкъ на облучкѣ; проѣхали мы версты двѣ, товарищъ мой крѣпко заснулъ, кучеръ его пошелъ легъ сзади кибитки и также послѣдовалъ примѣру своего господина; мой человѣкъ задремалъ сидя и потерялъ шапку, но чрезъ нѣсколько минутъ заснулъ такъ крѣпко, что упалъ и самъ; я очень испугалась, чтобы онъ не

ушибся, бужу своего товарища, онъ не просыпается, зову кучера его, тотъ не слышитъ и мы все ѣдемъ впередъ; наконецъ, человѣкъ мой догоняетъ насъ, проснувшись на дорогѣ, и товарищъ мой проснулся; я ему разсказала, какъ упалъ мой человѣкъ, и онъ уже разбудилъ своего кучера и велѣлъ ему опять сѣсть на козлы; но тотъ со сна, переѣзжая черезъ мостъ, зацѣпилъ за столбъ и чуть не изломалъ всю кибитку, такъ что передокъ разсыпался; мы стояли тутъ съ часъ, покуда не съѣхали съ этого моста; снѣгу тутъ было очень много, лошади совсѣмъ не везли; по счастію это было близко къ деревнѣ, то мы послали звать мужиковъ, отложили лошадей и люди уже на себѣ вытащили нашу повозку; двухъ лошадей привязали къ столбу у моста, онѣ обѣ отвязались и ушли, люди побѣжали догонять ихъ, заложивъ только одну лошадь въ мою кибитку; товарищъ мой взялъ подъ уздцы эту лошадь и повелъ ее въ деревню, гдѣ, оставя меня одну на улицѣ, пошелъ посмотрѣть квартиру, нѣтъ ли въ ней больныхъ, чтобы намъ взойти—покуда заложутъ другихъ лошадей; на сей разъ намъ въ оныхъ не отказали и мы не такъ долго ждали ихъ; поѣхали опять въ путь. Сутки ѣхали порядочно, но терпѣніе мое часъ отъ часу уменьшалось и я выходила изъ себя, полагая навѣрное, что я своего милаго Матиньку не найду въ полку; я не могла успокоиться ни на минуту, на всякой станціи просила урядника, который ѣхалъ съ нами, чтобы поскорѣе лошадей отыскивалъ, воину давали деньги, также и кучеру Аксакова. Урядникъ сталъ ѣздить по моей просьбѣ впередъ, но все это мало способствовало нашей скорой ѣздѣ; лошади у насъ были обывательскія и такъ были измучены, что насилу ходили; мы уже закладывали въ кибитки по 5 лошадей, но все плохо везли. Вездѣ, гдѣ мѣняли лошадей на станціяхъ, товарищу моему начальники деревни приносили кто гуся, кто поросенка, кто курицу и все это мы везли съ собой, дорогой не употребляли; наконецъ, пріѣзжаемъ въ Рогачевъ, пишемъ письма домой, посылаемъ на почту. Человѣкъ мой приходитъ и говоритъ, что онъ видѣлъ у почтмейстера одного пана, который ему сказалъ, что у него въ домѣ стоялъ Миллеръ и къ нему пріѣзжалъ нашъ Пушкинъ, пробылъ у него два дня; я просила Аксакова, чтобы онъ самъ сходилъ къ этому пану и узналъ бы повѣрнѣе отъ него куда пошелъ нашъ полкъ, но онъ счелъ для себя унизительнымъ идти самому и послалъ

урядника, съ которымъ полякъ, также будучи очень гордъ, не сталъ говорить, но урядникъ нашелъ у него въ домѣ оставленную нечаянно бумагу, въ которой мы увидѣли названіе той деревни, въ которой стоялъ нашъ полкъ. Она была не на большой дорогѣ, возницы не знали ее и мы не знали куда ѣхать. Пришла какая-то женщина, объяснила дорогу, товарищъ мой записалъ и мы поѣхали далѣе.

Уже двѣнадцать сутокъ мы были въ дорогѣ и все еще не знали скоро ли найдемъ нашъ полкъ. Моя грусть часъ отъ часу усиливалась, и я потеряла всякую надежду скоро обнять и прижать къ измученному сердцу своего милаго Матю; я полагала навѣрное, что мой милый уѣхалъ домой, узнавъ о моей безмѣрной тоскѣ безъ него. Проѣхавъ еще станцію, когда мы стали смѣнять лошадей, то намъ сказали, что мы не туда заѣхали и сдѣлали много крюку, все это чрезвычайно огорчало меня; къ вечеру мы уже пріѣхали въ ту деревню, которую искали; товарищъ мой пошелъ на панскій дворъ я ждала въ кибиткѣ на улицѣ съ четверть часа; онъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я вошла къ пану напиться чаю, пока лошадей станутъ перепрягать. Домикъ былъ небольшой, по польскому обыкновенію низкій и длинный, хозяинъ дома служилъ при Екатеринѣ въ нашей службѣ; хозяйка лѣтъ 30, очень пріятная и казалась любезная, бывала нѣсколько разъ въ Петербургѣ, поэтому въ обращеніи была точно русская. Подали намъ чай; хозяйка мнѣ сказала, что только вчера отъ нихъ поѣхалъ маіоръ Кулебякинъ, что онъ стоялъ у нея на квартирѣ и, узнавъ мою фамилію она сказала мнѣ, что маіоръ Золотухинъ былъ третьяго дня у Кулебякина. Какъ поразила меня эта пріятная вѣсть, что мой Матя въ полку! надежда, что скоро я увижу своего милаго Матю, вторично поселилась въ сердцѣ моемъ, я спѣшила скорѣе ѣхать, думая, что въ ту же ночь мы догонимъ полкъ, считая, что въ сутки они недалеко ушли. Лошади еще не были готовы, насъ уговаривали ужинать, товарищъ мой остался и я вынуждена была терпѣть. Какъ отъужинали такъ и отправились въ путь; проѣхавъ верстъ 25 остановились для перемѣны лошадей; тутъ намъ сказали, что въ этотъ же день вышли изъ этой деревни защитники, такъ называли тамъ наше ополченье, но не умѣли сказать который баталіонъ тутъ стоялъ. Намъ сказали, что одинъ проѣзжій офицеръ и теперь

здѣсь дожидается лошадей и спрашиваетъ также про защитниковъ. Я просила Бунцлера, чтобы онъ сходилъ и узналъ, что̀ это за офицеръ, не нашего ли полка? Вернувшись отъ него, онъ сказалъ, что этотъ офицеръ также изъ ополченія, Миллеръ посылалъ его въ главную квартиру съ бумагами, въ которыхъ онъ представлялъ, что въ Витебскъ идти невозможно, также и въ Борисовъ, такъ какъ эта губернія совершенно раззорена. Я уговорила своего товарища, чтобы онъ послалъ звать его чаю напиться; офицеръ тотчасъ пришелъ; Аксаковъ принялъ его такъ гордо, что на всѣ его учтивые поклоны не привсталъ съ лавки, не предложилъ ему сѣсть; я его поила чаемъ и онъ пилъ стоя. Онъ сказалъ намъ, что всему ополченію велѣно остановиться тамъ, гдѣ офицеръ найдетъ его, и ждать втораго повелѣнія. Въ это время намъ сказали, что лошади готовы и мы поѣхали искать свой полкъ. Нетерпѣніе мое часъ отъ часу становилось сильнѣе; казалось, лошади совсѣмъ не везутъ; рано по утру мы проѣзжаемъ одну деревню, въ которой увидѣли жида, спросили у него: стояли ли тутъ защитники? онъ говоритъ—стояли и вчера только вышли, что тутъ у пана стоялъ маіоръ, фамилію его онъ забылъ, но по описанію я поняла, что это точно долженъ быть мой Матя; ахъ какъ трепетало мое сердце, какъ было тяжело слышать, что я такъ близко отъ своего друга, и не могу увидать его! Разспрашивали у пана и узнали, что точно мой Матя стоялъ тутъ съ баталіономъ, сказали, что недалеко оттуда мѣстечко и что тамъ мы навѣрно догонимъ нашъ баталіонъ. Боже мой, какъ велика была моя радость, воображая, что я увижу скоро моего милаго друга!

Пріѣзжаемъ къ мѣстечку, лошади наши такъ устали, что насилу шли, я уже посадила кучера Аксакова править лошадьми, обѣщавъ ему дать на водку, если мы скорѣе доѣдемъ, а со мною я уже не знаю, что было, я плакала, смѣялась, сердце мое трепетало; спрашиваемъ тутъ ли защитники, намъ говорятъ: сейчасъ ушли. Вотъ опять надо вооружиться терпѣніемъ, опять нѣсколько часовъ страдать. Проѣзжая мимо панскаго двора, я просила остановиться и послать спросить; урядникъ нашъ, видя мое мученіе, побѣжалъ къ пану распрашивать, мы стояли противъ воротъ; взглянувъ во дворъ, я вижу Колычева, писаря моего Мати; тутъ я вышла изъ себя, закричала, что мой Матя вѣрно тутъ! Колычевъ узналъ меня кричитъ «сюда» и бѣжитъ къ намъ; я спросила его гдѣ Матя, онъ мнѣ сказалъ, что здѣсь; я его схватила за голову, когда онъ подошелъ къ кибиткѣ и начала цѣловать; наспу онъ оторвался отъ меня. Мы въѣхали на дворъ, но Матю я еще не видѣла; спрашиваю, мнѣ говорятъ, что онъ пошелъ въ другой флигель къ Пушкину; я вышла изъ кибитки и хотѣла бѣжать къ нему, но увидя, что онъ идетъ ко мнѣ, ноги мои подкосились и я упала на снѣгъ безъ чувствъ А. И. Золотухина.

(Окончаніе слѣдуетъ).